

ТАЛЬ ЧЕРЕПАНОВ
**Земли мертвых
законов**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Таль Черепанов

Земли мертвых законов

<https://litres.ru/73976678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я расскажу о событиях, которые произошли со мной после энергетической катастрофы. О временах, когда одни люди превращаются в животных, а в других просыпается человечность. О пути, по которому прошел. О поступках, которые совершил. Некоторые из них в чьих-то сердцах вызовут осуждение. Но... Вы задумывались хотя бы раз, что произойдет с вами, если привычный мир рухнет? Во что превратится ваша жизнь? В кого превратитесь вы? Сколько человеческого в вас останется?

Содержание

Пролог	4
Часть I. Конец и начало	9
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	80
Глава 10	94
Глава 11	104
Глава 12	110
Глава 13	124
Глава 14	137
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Таль Черепанов

Земли мертвых законов

Пролог

Виброуплотнитель грунта, управляемый хрупкими женскими руками, выбивает пыль из-под длинных стройных ног, заставляя ягодицы и грудь трястись в такт ударного ритма. Девушки в открытых купальниках, знойные и влажные, жадно облизывают губы с ярко-красным макияжем. Видимо от жажды. В их руках строительный инструмент, с которым они обращаются неумело, но сексуально.

Интересно, о чем эта песня? О любви?

Барак на сорок восемь мест погружен в темноту, и лишь небольшой пятаяк в дальнем конце помещения освещается светом беззвучно работающего телевизора. Я отвлекся от созерцания загорелых стройных тел на экране и посмотрел на Клешню.

– Че говоришь, Олег?

Клешня сидел по-турецки, прислонившись спиной к стене и вопросительно смотрел на меня. На мой вопрос он отодвинул ширму, прикрывающую его шконку с торца, и посмотрел на экран телевизора.

По каналу MTV транслировался клип Benny Benassi.

Клешня понимающе кивнул и ухмыльнулся.

– Я спросил, к чему ты стремишься в этой жизни, Вадим?

Я пожал плечами и облизал губы. К чему может стремиться совсем зеленый двадцатилетний щегол вроде меня?

– Не знаю, – я задумался. – К славе? Да, наверное. Хочу, чтобы обо мне говорили на каждой чертовой “командировке”.

Я пошутил, но ведь в каждой шутке есть доля правды, верно?

– Хм. Любопытно. Знаешь, что я думаю по этому поводу, Вадим?

Я развел руками.

“Откуда мне, черт возьми, знать, о чем ты думаешь, Клешня!” – подумал я и спросил:

– О чем?

Олег взял чифирбак, поболтал его, сбивая “шапку” и резким отточенным движением наклонил, одновременно приподнимая вверх и сливая чифирь тонкой струйкой в кругаль.

– Когда о человеке говорят только хорошее – он личность, – сказал Клешня, передавая кружку мне. – Если о человеке говорят только плохое – он тоже личность, НО... отрицательная. Хреново, Вадим, когда о человеке вообще ничего не говорят. Такой человек – пустое место.

Я сделал два хапка и вернул кружку Клешне.

Мне нравилось часами беседовать с Олегом и гонять с ним чифирь из рук в руки. Он уже давно смотрит за СУ-Сом (баракон со строгими условиями содержания), а я два дня как “поднялся” сюда после шести месяцев пребывания в ПКТ (помещении камерного типа). Было приятно встретить здесь земляка. А когда тот еще и при делах, так вдвойне приятнее.

– Тебе это удалось, Олег. Про тебя я слышал только хоро-

шее. Похоже, ты всегда поступаешь правильно.

Олег прикурил и бросил зажигалку на тумбочку. Выпустил дым и, прищурившись, посмотрел на меня.

– Смотри с какой стороны на это смотреть. Некоторым мои поступки не нравились. Для всех хорошим не будешь, Вадим. Здесь, в этих стенах, – Клешня обвел указательным пальцем помещение, – между плохим и хорошим грань очень тонкая. Понимаешь?

Я кивнул.

– Делать то, что ты считаешь правильным – это важно. Но гораздо важнее, сможешь ли ты убедить в своей правоте других.

К словам Олега можно относиться по-разному, но все сказанное тем вечером я запомнил. И никогда не забывал.

Отсидев срок, я освободился и устряпался вновь. Потом снова вышел и опять сел. И так четыре раза. С Клешной мы пересеклись через 15 лет на Нижегородском остроге. Я шел этапом в “крытую” на Владимирский централ, а Олега ждала “экскурсия” по “золотой ветке”. И мы оба знали, что это его последний этап. Я смотрел на Клешню и видел в его глазах

обреченность. Он понимал, что ему конец. Я не знаю, как он умер, но точно уверен, что он не освободился. Специально узнавал. Родных у Олега не было, поэтому его закопали на тюремном погосте.

С момента нашего разговора прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю его слова.

Для всех хорошим не будешь.

Просто делай то, за что готов отвечать.

К таким выводам я пришел в ту ночь.

И вот теперь сложилась парадоксальная картина. В тюрьме про меня говорят только хорошее. Я личность. А по другую сторону забора обо мне ходит дурная слава. Я тоже личность, только отрицательная. Так получается, Олег?

Ну и кто я?..

Меня зовут Вадим Тихомиров, и я не святой!

Часть I. Конец и начало

Глава 1

В тот день не заладилось с утра.

– Привет, Мариш! – поздоровался я, заходя в магазин. – Пачку “Любовь Михайловны”, красную, будь добра.

Встал возле кассового аппарата и оперся руками о прилавок. В небольшом, но под завязку набитом продуктами и всяким барахлом магазине, кроме меня и продавщицы ни единой души – идеальный момент предложить познакомиться поближе. Не скажу, что Маринка запала мне в душу, просто ходят слухи...

– L&M что ль? Нет их, – разочаровала меня Марина, выдернув из похабных фантазий.

Я перестал улыбаться и удивленно уставился на продавщицу. Ни че се номер.

– Нету?

– Неа. И “Филлип Моррис” тоже нет. Или как ты их называешь? “Филипп Махорис”, кажись?

– Ага. – Я облизал губы. – А когда будут, не в курсе?

– Не в курсе, Вадим. Никто не в курсе. Ты вообще телевизор смотришь? В мире творится какой-то кошмар. Люди словно к концу света готовятся, скупают все. Туалетную бумагу и ту разобрали.

Я машинально обернулся к стеллажу с бытовой химией, словно мне есть дело до туалетной бумаги. Снял кепку, провел пятерней по отрастающим волосам. Надел кепка. Повсюду действительно творится черт знает что, вокруг какая-то суета, все какие-то нервные и раздраженные. С чем это связано, я не понимал. С неуверенностью в завтрашнем дне? Граждане опять боятся дефолта? Наверное. За последние две недели цены на курицу заметно подросли. Дальше-то что? Курить охота.

– Нууу, а что есть?

– “Прима” без фильтра, – ответила Маринка.

– Ярославская?

Девушка пожала плечами. Ей-то почему знать.

Купил “Приму”. Челябинскую. Пять пачек. Вышел на крыльцо магазина. Инстинктивно потянулся к заднему карману шортов, нащупывая телефон, которого там нет: уронил два дня назад, справляя нужду в уличном сортире. Вдохнул.

Хорошо, что к Маринке не подкатил. Телефон сначала нужно купить, а уж потом тратить деньги на баб.

Щелкнув зажигалкой, я прикурил сигарету, затянулся и поморщился: похоже, кроме меня это дерьмо никто не собирается курить даже в разгар экономического кризиса. Эта мысль заставила ухмыльнуться, но уже через секунду ухмылка сползла с лица – я услышал надрывный лай своих собак.

Какого хрена они базлают?

Псы захлебывались от злости, и на сердце стало тревожно. Захотелось пробежаться, но ... не в шлепках же “ни шагу назад”. В них бежать, только курей смешить.

Помните эту жуткую картину из 90-х, когда везде серость и разруха? Мой поселок такой и есть. Без слез не взглянешь: заросшие сорняком пустыри; зияющие дырами покосившиеся штакетники; исписанная граффити трансформаторная будка; дороги словно после бомбардировки. Я ускорился, как мог, огибая колдобины и лужи. Хоть и не бежал, а к дому подходил слегка запыхавшись. Докурился.

Возле ограды стояли два незнакомых автомобиля. Оба белые: “Хендай-Солярис” и “Нива-Шевроле” с зеленой полосой вдоль борта. И надпись: “ФССП России”.

Да что происходит?

Зашел во двор. Псы скакали по вольеру и надрывались.

– Раздрай, Раздор! – гаркнул я.

Собаки моментально успокоились и завиляли хвостами. Я прошел в дом. В сенях чужой обуви не заметил, зато услышал, как мать с кем-то спорит. Сбросил шлепки, отодвинул тюль и вошел в прихожую. Посреди кухни стоит какой-то рослый и коротко стриженный тип в джинсах и голубой рубашке с коротким рукавом. И в кроссовках. За столом сидит девушка лет тридцати. Темноволосая, в форме.

– Слышь. Ты че не разулся, а? – “поздоровался” я.

Тип повернул голову и уставился на меня.

– Хера ли ты палишь че филин на сову, фырман? Спрашиваю, че не разулся? Ты тут полы моешь что ли?

– Сынок, прошу! Не надо, – вмешалась мать.

– Че происходит, мам? – спросил я, все еще не понимая, какого чЕрта посреди моей кухни стоит незнакомый тип. Обутый.

– Коллектор с приставами приехал, Вадим. Имущество

описывают.

Я облизал губы. Ебанутая привычка, честно сказать, от которой губы вечно обветрены.

– Ах коллектор приехал, – произнес я, растягивая слова и смотря на мать. – А почему я не знаю, что у нас долги, мам?

На маму было больно смотреть, но я выжидательно смотрел. Старушка потупила взор и махнула рукой мол: “Не сейчас”.

Ладно.

Девушка-пристав сходила за понятами. Привела соседей: супругов Кривошапко – всегда недолюбливал эту семейку. Следующий час стал настоящим испытанием для моих нервов. Коллектора хотелось убить, и я еле сдержался. Ходил за приставом по пятам, нервно облизывал губы, постоянно напоминал сам себе, что всего две недели прошло, как освобожден после пяти лет на особом.

Началась опись имущества.

Наложили запрет на пользование одним из холодильников: у мамы их два – в сенях и на кухне.

Наложили запрет на пользование ноутбуком. Я подарил, купив на деньги, которые собрала братва перед освобождением. Мать едва научилась им пользоваться. Ноутбук, видите ли, не относится к предметам обычной домашней обстановки и обихода. Я заикнулся, что он мне нужен для работы. Мне не поверили.

Наложили запрет на пользование духовым шкафом, пояснив, что для бытовых нужд одной газовой плиты достаточно.

Все мои возражения обрывались фразой: “Подавайте в суд”.

В суд, блять. Шутники.

Пристав составил акты описи, ареста и изъятия вещей. Вручил постановление о наложенном аресте. Я так понял, маминой подписи даже не понадобилось. Главное, чтобы понятые расписались.

Нам дали пять дней на погашение долга. Если задолженность не будет погашена, арестованные вещи выставят на торги. Затем пристав рассказал, что будет, если находящееся под арестом имущество “украдут”, на него “случайно” упадет что-то тяжелое или оно придет в негодность каким-то

иным образом.

– Штраф или общественные работы сроком до шести месяцев. Отнеситесь к этому серьезно, гражданин Тихомиров!

Закончив “раскулачивание”, пристав и коллектор расселись по машинам, и убралась. Понятые – Зойка и Федька Кривой, поплелись домой. Проводив их отборным лаем, псы развалились в вольере, вытянув лапы. Я сел на крыльцо и закурил.

Было ощущение, словно меня окунули в чан с дерьмом, а потом протянули полотенце и сказали: “Утрись”. Я с досады покачал головой. Утерся.

“Беда”, – подумал я.

Как оказалось – просто мелкая неприятность. Беды мои только начинались.

Глава 2

Докурил и едва успел затушить окурок в пепельнице, когда услышал грохот в избе. Помню, что вбежал в дом и увидел мать, лежащую посреди кухни. На полу валялась посуда. Видимо, во время падения мама ухватилась за скатерть. Моя старушка лежала бледная как известь, руками держась за грудь, смотрела на меня широко открытыми испуганными глазами и хватала ртом воздух.

Мне стало страшно за нее, и я запаниковал. В прошлом я не раз испытывал страх, но панике поддался впервые. Я буквально одурел от нее, и теперь приходится по кускам восстанавливать события того дня.

Помню, я стоял перед мамой на коленях и подложил под ее голову свою руку. Я не знал, зачем делаю это, но мне показалось так правильно. Я пытался с мамой поговорить, спрашивал, что случилось, растирал ей щеки. Моя старушка сильно потела и хотела мне что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова. Ее губы посинели, особенно верхняя, которая приобрела фиолетовый оттенок. Я никогда не видел, чтобы губы так синели. Их цвет меня парализовал.

Помню, я вскочил, сообразив наконец, что нужно вызывать скорую помощь. Потом около минуты носился по дому, словно курица по курятнику, и искал мамин телефон.

Телефон лежал в кармане маминого платья.

Помню накатившее чувство отчаяния, когда, активировав экран, я увидел девять точек посреди дисплея и снизу надпись:

Введите графический код

Блять!

Я впал в ступор. Схватился за голову. Просто стоял посреди кухни и не понимал, что делать. Моя старушка тем временем умирала.

Помню, как пересекал улицу. Босой. Что удивительно, шел спокойно и без суеты. Шел к соседям. К дому Кривошапка, у ограды которых заметил жигули вишневого цвета то ли седьмой, то ли шестой модели – не разбираюсь.

Помню их пес едва не укусил меня за ногу, когда я вошел во двор – озлобленная псина порывалась порвать цепь,

чтобы преодолеть отделяющие меня и ее расстояние в сантиметров двадцать, но не смогла и отчаянно поливала меня в спину трехэтажным лаем. Я помню хмурого хозяина, стоявшего на крыльце, и напуганную хозяйку, выглядывающую из-за его спины. Кажется, они говорили что-то про гражданский долг. Решили, что я пришел качать за подпись в акте изъятия приставов? Похоже на то.

Эта семейка всегда недолюбливала меня, и я отвечал ей взаимностью.

Помню, я говорил и запинался. Путался в словах. Пытался объяснить, что машина скорой помощи будет долго плутать по нашим пустырям. Федька упорно указывал на ворота, пытаюсь выпроводить меня за двор.

И моя штора упала.

Я четко помню, как сложил Кривого пополам фронтальным ударом правой ноги в пах. Этот удар мне показал весьма авторитетный в спортивных кругах человек и сказал, что лучше отработать один удар тысячу раз, чем тысячу ударов по одному разу. Я, шестнадцатилетней в то время пацан, запомнил этот урок навсегда, но напрочь забыл название удара. Что-то японское. С тех пор я каждый день стараюсь делать минимум сотню ударов. Этот прием меня не раз выру-

чал.

Помню, Зойка орала. Вопила, что их убивают. Взывала к моей совести, пока я пинал ее мужа:

– Вадька. Вадька. Ты что творишь, окаянный? Прекрати сейчас же. Побойся бога!

Кого, блять? Бога?

Я ударил ее кулаком в лицо, и она заткнулась. Вошел в дом. Ключи от машины лежали в прихожей на тумбочке. Схватил их и направился обратно.

Помню, как сидя за рулем, повернул ключ зажигания и посмотрел на рычаг переключения передач. Видимо, я чересчур взял влево и вместо третьей включил первую передачу. Водитель из меня всегда был такой себе, беспонтовый.

Вывернул руль влево. Отпустил сцепление, выжимая газ, и автомобиль сорвался с места, но не назад, а вперед. Кривой в это время выскочил из калитки с топором в руке и попал под колеса. Машина сбила его с ног и врезалась бампером в стойку ворот. Удар грудью о рулевое колесо вышиб из меня весь дух.

Блять.

Чертыхаясь, уставился на рычаг переключения передач. Грудь болела.

Где тут задняя передача, черт бы побрал эту колымагу?

Наконец, включив заднюю, сдал назад. Автомобиль подпрыгнул, переезжая тело Кривого повторно. Я скривился и облизал губы.

Помню, что не стал разворачиваться. Задом доехал до своего двора, вылез из машины, открыл заднюю дверь. Зойка продолжала орать на всю улицу, и соседи начинали сбегаться. Кто с чем.

Помню, как вошел во двор и направился к вольеру.

– Раздрай, Раздор! За мной! – гаркнул собакам и вышел за ограду.

Мужики из соседних домов уже приближались.

– Стеречь, – приказал я псам, и два сорокакилограммовых кобеля, оскалив клыки, ощерились в сторону разношерстной “буц-команды”.

Помню, как обулся и вышел из дома с мамой на руках, легкой словно пушинка. Псы стерегли. Я слышал гневные возгласы мужиков, размахивающих в мою сторону садово-хозяйственным инструментом.

Дачники, блять.

Я не сомневался, что полицию уже вызвали. Мне нужно было успеть отвезти маму в больницу.

Загнав псов в вольер, сел в машину и, объехав проулком толпу гневных пролетариев, направился в сторону больницы. Я не гнал – водитель из меня хреновый. Дорога изобилвала ямами, и мне приходилось их объезжать. Боялся, что излишняя тряска может навредить маме. Спровоцирует отрыв тромба, к примеру. Не знаю, возможно ли вообще такое, но решил не рисковать. Боялся попасть в аварию на одном из перекрестков или врезаться в какой-нибудь столб. Старался двигаться аккуратно. Моей задачей стало доставить мамку в больницу. О себе я больше не думал. Мне конец. Бежать некуда. Да и куда убежишь из южноуральской степи? Тут даже лесов поблизости нет в радиусе как минимум десяти километров. Где прятаться? В Казахстане? Там-то мне и рады.

Я знал – мне конец. Как рецидивисту мне отсыпят четыр-

надцать лет особого режима, если Кривой умрет. Возможно, из них три или пять лет в “крытой”, что не самый плохой вариант. Одиннадцать лет – если Кривой останется инвалидом. Достаточно прибавить к этим цифрам мои сорок пять, и станет понятно – шансов освободиться у меня практически нет. Условно-досрочное освобождение – это вообще не про меня. Но даже если освобожусь каким-то чудом, куда больному, одинокому и, вероятней всего, бездомному старику идти?

Проехав по улице Водопроводной, я вывернул на относительно ровное дорожное покрытие на улице Братьев Кашириных, но довольно быстро свернул направо, подозревая, что по этой дороге мне навстречу мчатся менты.

Миновав небольшой переулок, свернул на улицу Победы и метров восемьсот ехал по ней. Потом еще около пяти минут кружил по подворотням частного сектора, пока, наконец, не вынырнул перед четырехэтажным зданием районной больницы.

Перед шлагбаумом бросил машину, кряхтя вытащил маму с заднего сиденья и побежал в сторону приемного покоя.

Глава 3

Мало кто в современном мире может оценить ценность письма. Один-два тетрадных листа, исписанных знакомым до боли почерком, были для меня единственной нитью, связывающей с внешним миром. Я любил получать письма от матери, по несколько раз перечитывал каждое из них. Даже если в них она ругала меня, что бывало довольно часто. Письма приходилось ждать долго. Тем ценнее они были. Кроме мамы мне никто не писал. Она излагала свои мысли по-простому, часто с ошибками, но всегда искренне.

Теперь мне никто не напишет. Когда откроется “кормушка” “брони” (тюремной двери), я, возможно, буду единственным в камере, кто не затаит дыхание в ожидании. Мне придется научиться смотреть на тюремного почтальона с равнодушием и забыть о письмах с посылками навсегда.

Я вздохнул и спрятал лицо в ладонях. Мать умерла. Она уже была мертва, когда я ее привез. Возможно, ее сердце остановилось дома, и я напрасно устроил тот пиздец во дворе Кривого, благодаря которому сдохну в тюрьме и сгнию на тюремном погосте. Как Клешня.

И мать не спас, и дров наломал. Местные этого никогда не простят. Собак убьют, а дом спалят, чтобы мне некуда было возвращаться. Как пить дать. Но это будет потом, когда погода позволит. Сейчас в такой сухостой никто пожарище устраивать не будет. Побоятся. Если степь вспыхнет, то вместе с моим домом сгорит весь поселок.

Боль от потери единственного родного человека терзала душу, одновременно наполняя сердце гневом. Я ненавидел этот поселок. Ненавидел этих людей. Не понимал, что плохого могла сделать моя безобидная старушка Кривому, раз он отказался помочь. Мне хотелось пойти и самому поджечь степь, чтобы спалить своих соседей до тла. Пока есть силы и возможность. Потом ничего этого уже не будет.

В вестибюле больницы я просидел около пятнадцати минут, пока не вошли опер Гуревич с молодым и незнакомым мне коллегой, а также участковый Костя Романов. Со старшим братом Кости я учился в школе. Когда-то этот парень меня уважал.

Когда-то.

Менты подошли ко мне, и Гуревич спросил:

– Обойдемся без формальностей, Тихомиров? Ты вроде жулик старой закалки.

Я кивнул и протянул руки.

На запястьях клацнули “браслеты”. В очередной раз. После двух недель на свободе. Мой новый антирекорд.

– Что мне вменяют? – спросил я.

– Прокурор определит. Пока ты задерживаешься по подозрению в преступлении, квалифицированном ст. 111 ч. 4 (Тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего) и ст. 162 ч. 4 (разбойное нападение в особо крупном размере). Не исключаю, что еще одну-две статьи пришьют.

Я кивнул. Пришьют. Как минимум ст. 167 (Порча имущества) за вмятину на воротах и бампере машины Кривошапка, и ст. 115 (Вред здоровью) за “вмятину” на лице Зойки. Значит, Кривой помер. Следовательно, мне наболтают срок по полной.

Под конвоем и с тяжелыми мыслями в голове я покинул больницу.

На крыльце столкнулись с Зойкой.

– Будь ты проклят, Вадька! – орала зареванная баба. – Гори ты в аду, душегуб, и молись, чтобы дали побольше. Иначе мои сыновья с тебя шкуру живьем спустят!

В ее сторону я даже не посмотрел. Мне было наплевать на ее проклятья. И тем более неинтересно, что такого страшного могут со мной сотворить двое ее телят.

Мы подошли к служебному “форду”. Гуревич открыл заднюю дверь и, придерживая мне голову, усадил в салон. Молодой “кум” (оперуполномоченный) уселся рядом, Гуревич расположился за рулем, Костя занял место на пассажирском сиденье спереди.

– Может, попробуем договориться, старшой?

Гуревич застыл с ключами в руке и удивленно посмотрел на меня через зеркало.

– В плане?

– Я начинаю говорить, ничего не отрицаю. Никакой 51-й статьи и прочей “шляпы”. Все под запись. Протоколы подписываю. На следственном эксперименте все рассказываю и показываю. Вам – меньше геморроя и быстрый суд. Мне – небольшая услуга.

Опер повернулся ко мне. Его лицо излучало заинтересованность.

– И что ты хочешь взамен, Тихой?

– Отвези меня домой. Дай собрать вещи, накормить псов и попрощаться с ними.

Гуревич призадумался. В течение следующих двух-трех минут он размышлял, барабанил пальцами по рулевому колесу и играя желваками. Его спутники молча ждали, что решит старший.

– Собаки на цепи? – спросил он.

– Заперты в вольере.

Гуревич удовлетворенно кивнул.

– Кто в доме?

– Нет там никого, старшой.

Судя по выражению лица, ответ вполне удовлетворил “кума”. Молчание вновь затянулось на пару минут.

– Хорошо, – наконец произнес он, и у меня отлегло от сердца. – Мы заезжаем к тебе домой, но ты остаешься в на-

ручниках. Показываешь Косте, где и что лежит, а я решаю, можно тебе это взять с собой или нет. Когда вернемся в отдел, ты напишешь явку с повинной.

Я скривился, и Гуревич это заметил.

– Хорош комедию ломать передо мной, Тихой. В тюрьме ты – человек с репутацией. И явка никак уже на нее не повлияет. Зато поможет скостить год, а то и два на суде.

Это правда, но я скривился не от этого. Не хотелось сидеть и писать. Думал, буду диктовать, а потом просто распишусь под показаниями. Но пришлось согласиться, и я кивнул.

Гуревич удовлетворенно хмыкнул.

– Но с собаками попрощаться я тебе не дам, Тихомиров.

– Они в вольере, начальник...

– Нет, Тихой. А вдруг ты умудришься его открыть? Придется применить оружие. Тебе-то похер, а мне потом как за патроны отчитываться? Честно признаться перед начальством, что повез подозреваемого в особо тяжком преступлении попрощаться с собачками?

Звучало логично, и мне пришлось согласиться.

Возле дома царило спокойствие, словно ничего не произошло. "Форд" припарковался у ограды. Псы приветствовали нас громким лаем, и мое сердце сдавило от боли. Только теперь я понял, что потерял. Две недели назад я шел с полустанка с надеждами, что все позади. В руке сумка со скудными пожитками и ноутбуком для мамы. В голове мечты о спокойной размеренной жизни. Я и впрямь собирался найти работу. Мечтал сплестись хвостами с какой-нибудь разведенной бабой. Или вдовой. Начать с нуля.

Зашли во двор, и я почувствовал, что сам вот-вот свалюсь с инфарктом. В груди защемило и стало тяжело дышать. Я прощался с местом, в которое раз за разом возвращался с надеждой. И раз за разом разочаровывал себя и расстраивал мать. Собаки радостно виляли хвостами, и я даже обрадовался, что Гуревич не разрешил к ним подойти.

Было тяжело, сука. И я даже не знаю, как это чувство описать. Наверное тогда я и понял, почему некоторые люди ненавидят прощаться. Всегда проще уйти без оглядки назад. Оставить в голове старые воспоминания, а не эти вот, когда внутри что-то рвется, словно струна, и хлещет кнутом.

Вошли в дом. Я показал, где лежат документы.

– Спортивная сумка внизу в шифоньере.

Гуревич открыл дверцу. Достал сумку, убедился, что она пустая. Костя не захотел копошиться в моем нижнем белье, и мне позволили самому сложить в сумку вещи. Трое трусов, три пары носков. Спортивный костюм, две футболки, шлепанцы. В шкафчике стола лежали четыре пачки сигарет “Прима”. Их я тоже бросил в сумку, как и упаковку спичек. На кухне Костя вытащил из серванта пачку чая, железную кружку, пластмассовую чашку, алюминиевую ложку. Затем прошли в ванную, где я забрал зубную щетку с пастой, кусок мыла с мыльницей, мочалку, рулон туалетной бумаги, банное и ручное полотенца, пять бритвенных станков и крем для бритья.

Отключил всю аппаратуру от сети, перекрыл воду и газ. На выходе надел кроссовки, закрыл дом на ключ, подошел к щитку и обесточил дом. После этого направились на выход. Псы скулили, и я старался не смотреть в сторону вольера.

Вышли со двора. Я закрыл калитку на ключ, после чего расселись в машине.

– За собаками есть кому присмотреть? – спросил Гуревич.

– Нет, – прохрипел я.

– Их придется усыпить.

– Знаю.

Знаю. И очень рассчитываю, что жажда вскоре вынудит моих собак вырыть подкоп под забором и слинять.

Глава 4

Пока оформляли, я писал явку с повинной. Потом меня заперли в “обезьяннике”, в котором просидел не менее четырех часов и приговорил практически всю пачку сигарет.

– С вещами на выход, – услышал я под вечер и поднял голову.

Рядом с дежурным стоял Гуревич. Встал, взял сумку и выбросил окурочек в небольшой бак из нержавеющей стали, заменяющий урну.

Спустились по лестнице в подвал, прошли через решетчатую дверь и очутились в ИВС (изолятор временного содержания). Остановились возле камеры № 3. “Броня” открылась, Гуревич сделал приглашающий жест:

– Прошу.

Я ухмыльнулся и вошел в хату. В нос ударила знакомая вонь табачного дыма вперемешку с запахом мочи и пота немых человеческих тел. Поморщился и окинул камеру

взглядом. Типичная для ИВС хата – три на четыре метра, от правой до левой стены нары, если их так можно назвать: просто деревянный полук, занимающий две трети камерного помещения. Слева, если стоять спиной к дверям, параша (она же чаша Генуя), выложенная плиткой и огороженная “флажком” (металлической перегородкой). Справа на обшарпанной стене висит небольшая полка, на которой стоят кружки и разложены рыльно-мыльные принадлежности обитателей хаты. Возле полки розетка. “Светки” (раковины для умывания) нет. Есть кран над парашей. Там и умываются. В верхнем дальнем правом углу камеры вентиляционное отверстие, от которого никакого толку.

Здесь ни черта не изменилось за много лет. Надеюсь, хоть клопов нет.

С нар поднялся по пояс раздетый Слава Мотолок – пересекались в СИЗО пять лет назад.

– Какие люди! Тихоня! Здорово были, братан, – произнес мой старый знакомый, протягивая руку. – Рад тебя видеть!

“Вряд ли это взаимно”, – подумал я, отвечая на рукопожатие.

– Надолго на этот раз? – спросил Мотолок.

Я бросил сумку на нары и сел. Достал очередную сигарету из пачки.

– Лет на пятнадцать.

– Херасе, дружище! За что устряпался?

– За грехи, Слава. Чай завари, еще успеем побазарить.

Дни на ИВС похожи друг на друга. К вони быстро привыкаешь. Как и к тусклому свету. Каких-то минут пятнадцать, и ты уже ничего не чувствуешь и не шуришься. Я продолжал курить, как перед расстрелом, и погрузился в собственные думы.

Поскорее бы на СИЗО. Там хоть какая-то жизнь, есть чем заняться. Есть с кем поговорить. ИВС – единственное место на планете, откуда хочется попасть в тюрьму.

Когда чай заварился, сели в круг и начали знакомиться. Помимо Мотолка здесь “загорали” еще два пассажира – Витя Рулевой и Евгений. Так они представились. Молоды и явно первоходы. За что устряпались, мне было насрать.

– Кто в других хатах? – спросил я.

– Напротив в “четверке” малолетка. В пятую хату “шерсть” заселили, – ответил Мотолок, делая два хапка.

Кружка перешла к Вите.

– По лагерю “шерстяной” или ты сам тут направо-налево крестишь? – спросил я.

– Нет, он первоход. И педофил. Сам посуди, за изнасилование дочерей заехал. Одной шестнадцать, второй четырнадцать лет. Охранник, Марат-башкир, говорит, что он их на протяжении последних трех лет насиловал. Мать знала, но молчала. Кто-то из соседей или родни донес. Марат – нормальный мент, кстати. Нет-нет передает нам ништяки от малолетки напротив. Пацана-то мамка стабильно подогревает.

Мне протянули кружку с чифиром, и я отрицательно покачал головой. Хватит, подташнивает уже. Закурил, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Докурив сигарету, я лег и постарался уснуть. И уснул, правда поспать довелось недолго: меня разбудил грохот “брони”.

Пересменка. Значит, часов восемь вечера, если память не изменяет. Нас проверили по головам, и Мотолок попросил:

– Старшой, оставь “кормяк” открытым, а? Духота стоит, дышать нечем, бля буду.

Старший смены кивнул. “Бронь” щелкнула замком, но “кормушка” осталась открытой.

Следующие три часа просто лежал и смотрел в потолок. Сокамерники весело переговаривались, и мне очень хотелось, чтобы они заткнулись. Не в силах больше лежать балластом я сел и потер руками лицо. Так нельзя. Нужно перестать загоняться и хоть как-то отвлечься.

– Есть гвоздь или что-нибудь тонкое металлическое?

Сокамерники покачали головой. Вдохнул, встал и подошел к полке с посудой. Взял “весло” (ложку).

В течение следующего получаса я активно точил держало ложки о каменный пол, пока одна его кромка не стала достаточно острой. Товарищи по несчастью наблюдали и переглядывались между собой. Я сел на нары и на деревянной поверхности начал вырезать поле для нардов.

До Мотолка наконец дошло, что я хочу, и он спросил:

– Хорошая идея, Тихоня. Только где фишки с зарядками (кубиками, костями) возьмем?

– Из хлеба сделаю, – кратко пояснил я.

– Белые без бэ. Ну а черные?

– Увидишь.

Разобрал бритвенный станок, вытащил оба лезвия, а ручку поджег и начал коптить дно металлической кружки. Ручка от станка медленно горела, а плавленная пластмасса капала на ложку снизу. Затем соскреб с кружки сажу лезвием от станка. Пережевал хлеб. Хлебную массу протер через марочку (носовой платок). Полученный клейстер развел с сажой. Взял комок расплавленной пластмассы и, путем трения о стену, придал ему квадратную форму. Затем выковырял уголком бритвенного лезвия отверстия и замазал их остатками сажи. Вполне себе игральные кости.

– Нужны два “зарика”.

Я отвлекся от процесса и посмотрел на Мотолка.

– Можно один два раза бросить. Не подумал об этом? Вообще-то тебе, как человеку бывалому, я подобные вещи не должен объяснять. Это им, – я указал пальцем на первоходов, – простительно такое не знать, а тебе...

В хате послышался гул нарастающего напряжения. Лампа вспыхнула ярким светом и потухла. Свет в коридоре погас. Как и в хате напротив. ИВС погрузился в темноту.

Сделал нарды, называется.

– Получите неприятность, – произнес Рулевой, все это время с интересом наблюдавший за моей самодеятельностью.

Примерно через две-три минуты заработал резервный генератор, и свет загорелся. Я вернулся к рабочему процессу, но ненадолго – прошло не больше десяти минут, как гул нарастающего напряжения вновь прокатился по “кутузке”. Лампочки вспыхнули, а затем взорвались. Из розетки послышался треск электрического разряда. Подобного я точно не ожидал и, когда лампа лопнула, инстинктивно вжал голову в плечи, прикрывая ее руками.

“Приехали”, – мелькнуло в голове.

Глава 5

Современный человек может целиком прожить отведенные богом годы, но так и не познать то чувство, которое ощущаешь, оказавшись в абсолютной темноте. Свет стал нашим постоянным спутником жизни. Всегда что-нибудь и где-нибудь да светит. Мир очень давно не погружался во тьму. Холодную, абсолютную, непроницаемую для глаз.

Оказавшись во мгле, моему организму потребовалось примерно полчаса, чтобы перестроиться. Я начал слышать звуки, далекие и не всегда понятные, которые раньше не доносились до моих ушей. Ощутил, что кожа и конечности стали более восприимчивыми к вибрации. Стоило кому-то из сокамерников подняться с нар и сделать шаг, и я уже знал в какую сторону он переместился. Вонь, с которой изначально организм свыкся, теперь появилась вновь. Более резкая. Более едкая.

Все это означало лишь одно – мозг начал перераспределять ресурсы организма и, компенсируя отсутствие зрения, обострил слух, обоняние, осязание и тактильность.

Мои органы чувств быстро приспособивались к темноте.

Уверен, что товарищи по несчастью испытывают то же самое. Первые мгновения я чувствовал, как часто бьется сердце. Повода для беспокойства не было, но организм словно готовился на всякий случай. Вскоре мы смогли различать силуэты друг друга. Сидели в темноте, но не в тишине. Откуда-то с прохода (коридора) постоянно доносились звуки человеческой суеты. Охранники бегали по ИВС, перекрикиваясь между собой. Периодически один из охранников подходил к нашей камере, светил керосиновой лампой и заглядывал в “кормушку”. Свет резал глаза, мы жмурились, прикрываясь ладонью.

– Что происходит, командир? – спросил я.

Охранник заверил, что все под контролем. Небольшая поломка на подстанции, скоро починят. В перерывах между поверками, я начал замечать, что слышу звуки городской шумихи. Но не мог разобрать, что там происходит.

Вскоре начала накатывать прохлада. ИВС остывал от дневной жары, и в камере стало бы намного комфортнее, будь тут вода и электричество. Но вода из крана пропала вместе со светом, и ближе к утру мне начало казаться, что вонь мочи въедается в кожу.

Все чувствовали, как по ИВС начал распространяться за-

пах горелой проводки. Он ощущался с ночи, но первое время мы несколько не беспокоились об этом. Никто не даст райотделу полиции сгореть. Так думал я. Так думали мои товарищи. Мы все ошиблись, но поняли об этом только к утру, когда в ИВС не прошла пересменка.

– Что происходит, братва? – подал голос малолетка из хаты напротив.

В его голосе слышалась озабоченность. Я и сам был весьма озабочен, но не смог удержаться от усмешки – похоже пацан проспал всю движуху.

– Не знаю, – ответил я, тусуясь по пятаку перед “кормушкой”.

Весь следующий день мы просидели в темноте и тишине. Из еды остался лишь хлеб и лапша быстрого приготовления. Но воды по-прежнему не было, и я настоятельно рекомендовал сокамерникам воздержаться от еды. Так прошел день, в течение которого к нам ни один охранник не подошел. Мы их даже не слышали, и никто из нас не понимал, что происходит.

К вечеру запах гари усилился. Чем сильнее он становился, тем я больше склонялся к мысли, что пора действовать.

Интересно, раз нет электричества, то почему воняет проводкой?

– Это не проводка. Скорее всего мы чувствуем запах горелого пластика, – пояснил Рулевой.

– Ты электрик что ли? – спросил я.

– Ремонтами занимался. Я полагаю, что от пожара нас спасает отсутствие свежего воздуха. Мы в подвале, тут циркуляция воздушных потоков близится к нулю. Открой кто-нибудь сейчас входную дверь, и пламя моментально разгорится.

– Чему тут гореть? – развел руками я.

– Не знаю, Тихой. Нары, например. Они сплошь из дерева. Ты же чувствуешь запах горелой пластмассы? Потолки на продоле сложены из ПВХ панелей. Они могут гореть при наличии постоянного огня, если температура горения выше четырехсот градусов. По большому счету нас должно пугать не пламя, а высокая концентрация угарного газа из-за отсутствия вентиляции.

Час от часу не легче.

Получается, если никто не придет – мы задохнемся от угарного газа. Или помрем от жажды. Если кто-нибудь заявится – сгорим к чертовой матери.

От запаха гари у меня разболелась голова, и я подошел к “кормушке”. По ощущениям, время уже перевалило за полночь.

Прислушался. И заорал:

– Старшоооой!

“*Старшооооой!*” – ответило эхо.

Я бросил через плечо Мотолку.

– Скрути “дровину”.

– Как?

Я облизал сухие губы, пока было чем облизывать, покачал головой и уткнулся лбом в “броню”. Этот дереволаз хоть что-то умеет?

– Вытряхни жратву из пакета и разорви по боковому шву, чтобы получилась одна “портянка”. Справишься?

Мотолок кивнул и занялся делом. Я подошел к полке и начал убирать посуду, после чего собрал все постеленные на нее газетные листы, часто используемые в камерах вместо скатерти. Мотолок подал мне полиэтиленовую “портянку”.

Я расстелил ее на нарах и поверх нее выложил газету, затем скрутил в трубку. Прикурил и сигаретой припаял шов. Получился факел в виде трубы с прослойкой из полиэтилена и бумаги.

Поджег факел, и огонь слабо осветил хату – из-за нехватки кислорода пламя еле горело. Вручил “дровину” Мотолку, а сам взял свое заостренное “весло” и начал выковыривать небольшое зеркальце (10x15 см) из стены. Потребовалось не больше десяти минут.

Взял из рук “Мотолка” факел и подошел к “кормушке”. Следующие несколько минут изучал обстановку на проходе через зеркало, подсвечивая сам себе. Понятия не имею, что я там рассчитывал увидеть.

Запах гари усиливался. Мы теперь четко понимали – если никто не придет, нам кранты. Я почему-то был уверен, что никто не придет. Хотя...

– Малой! Как думаешь, мамка придет за тобой? – поинтересовался я у малолетки, с интересом наблюдавшим за взрослыми из своей “кормушки”.

– Неа! Она уехала пять лет назад с каким-то типом. Даже не знаю, где она сейчас.

Я повернулся к Мотолку.

– Мамка, значит, пацана подогревает, да? – тихо съязвил я.

Слава развел руками.

– А кто тебя греет?

– Бабушка.

Я понятия не имел, что происходит снаружи, но почему-то не сомневался – бабке до пацана не добраться.

Черт!

Я повернулся к сокамерникам. Мне даже спрашивать не пришлось. Все и так поняли, о чем я хочу спросить, и отрицательно покачали головой.

НИКТО! НИ ЗА КЕМ! НЕ ПРИДЕТ!

Сел на задницу у “брони”, уткнулся затылком в прохладное железо тюремной двери и сложил руки на коленях. И чувствовал, что постепенно к запаху гари прибавляется чувство жажды. Но воды не было, и я закурил. Несколько минут сидел молча и думал, потом встал и выглянул в “кормушку”.

– Малой, ты должен попробовать вылезти из хаты.

Парень удивленно таращился на меня.

– Как? Через “кормяк” что ли?

– Именно.

– А я пролезу?

– Да. В 2016 году, если не изменяет память, один арестант из Дагестана так и сбежал. В интернете даже видео есть, записанное одной из камер видеонаблюдения. Он покрупнее тебя, поэтому не сомневаюсь, что все получится.

Парень задумался, и я был уверен – если дать ему время усомниться, он не полезет.

– Чувствуешь запах? – спросил я, и парень кивнул. – Скоро тут начнется пожар, но мы до него не доживем. Мы задохнемся. Ты же видишь, что тут окон нет, а вентиляцию никто никогда не чистил.

– Но...

– Послушай. Тебе нужно раздеться догола. Мыло и вода есть?

– Мыло есть, воды нет.

Бляяя.

– Только сок.

Я воодушевился.

– Отлично. Намыль себя. Вылазь обеими руками вперед. У тебя плечевые суставы очень подвижные, протиснутся. Затем просовываешь голову. Открытый “кормяк” очень поможет. Ты ухватишься за его края и будешь вытягивать себя. Все получится. Попробуй. Иначе нам всем пиздец. Я-то пожил свое, а у тебя еще вся жизнь впереди, малой. Нужно спастись.

Парень внимательно слушал. Мои слова его убедили, и он начал раздеваться. Освещая проход скудным светом, я видел через “кормушку”, как пацан разделся догола и выбросил вещи на проход, затем смочил мыло соком и начал намыливать тело.

– Готов? – спросил я, когда тот выглянул в “кормяк”.

Парень кивнул.

– Давай. Не робей, все будет ништяк!

Пацан сложил руки “щучкой” и протиснул их через “кор-

мушку” в коридор. В районе плеч он застрял.

– Не так. Чуть повернись боком. Не прямо вылазь, а по диагонали. Левое плечо должно идти через верхний левый угол “кормяка”, а правое – через нижний правый. Пробуй. Вот. Отлично. Молодец. Голову вбок. Отлично. Видишь, получается. Еще чуть-чуть.

Довольно быстро пацан протиснул руки и голову через “кормушку”, взялся ладонями за края ее откидной дверцы и начал подтягиваться. Спустя минуту он уже грудью лежал на откинута “кормяке”. Я улыбнулся. Пока все шло по плану.

Пока.

А потом случилось то, чего я больше всего опасался. Пацан застрял в “кормушке” в районе бедер.

– Братва, я застрял, – взвизгнул он, судорожно дергаясь. Тело наполовину вылезло на проход и отчаянно извивалось, стараясь вырваться из западни. – Бля, братва, я застрял.

Парень захныкал, и мне пришлось его успокаивать.

– Успокойся! Раскачивайся из стороны в сторону и попробуй оттолкнуться руками от “брони”. Сейчас мы тебя выта-

ЩИМ.

Я повернулся к Мотолку.

– Славян, дай “коня” (канат, образно говоря).

– “Коня”? Да нет у нас “коня”.

С минуту я смотрел на Мотолка, потом развел руками и произнес:

– И почему, ссука, я не удивлен! Может объяснишь, какого ляда в хате нет “коня”, тупоголовый ты ушлепок?

– Слышь, Тихоня. Давай без предьяв, а? Ты уже больше суток тут, и только сейчас про “коня” вспомнил...

– Братва. Не сейчас, – Рулевой встал между нами и поднял руки в примирительном жесте.

В натуре рулевой.

Я посмотрел на Витьку, потом перевел взгляд на Славку.

– Ладно. Хуй с ним, с “конем”. Но тебе придется снять джинсы, Слав.

– С хуя ли...

– С того, что мы тут все в трико. Это дерьмовый материал, а нам нужен прочный “конь”, чтобы пацана вытащить. Это

вопрос жизни и смерти, Слава.

Какое-то время Мотолок смотрел на меня, не мигая. Затем здравый смысл возобладал, и он начал снимать штаны.

“Коня” плетут из обычных или шерстяных нитей – зависит от сложности задач, но у нас не было нитей. Ни тех, ни других. И задача стояла перед нами весьма специфическая – вытянуть пацана.

Около пяти минут ушло, чтобы лезвием от бритвенного станка срезать карманы и пояс джинсов, отделить обе штанины друг от друга, распустить каждую на две половинки. Мотолок сидел в трусах на нарах, подсвечивая нам “дровами”, и смотрел, как портки ускоренным темпом теряют товарный вид. Покончив с раскройкой, я и Рулевой нарезали полосы из штанин примерно два сантиметра шириной и длиной около метра. Эти полосы связали между собой. Получилось шестнадцать нитей длиной около четырех метров каждая.

Я взял четыре нити и сложил друг с другом. Передал один конец Рулевому, а ко второму привязал кружку и крутанул ее по часовой стрелке. Кружка вращалась, сплетая нити в единый канат. Подобную операцию проделал и со второй партией из четырех нитей. Затем сложил вместе оба сплетенных каната, и, часто перебирая руками, заставил их перепле-

стишь, образовав один, но очень прочный джинсовый “конь” длиной метра три.

Пацан продолжал кряхтеть, вытаскивая себя из западни, и у него даже получалось – на сантиметров пять продвинулся. Наверное, справился бы и без нас через час-другой.

Я бросил “коня” пацану. После чего начал тянуть, уперев ногу в “броню”. Сокамерники присоединились. Пацан активно извивался и потихоньку выползал из “кормушки”.

Не прошло и десяти минут, как малец уже стоял посреди продола и одевался. Липкий от мыла и сока, но очень счастливый.

Глава 6

Чувство, когда одна минута длится вечно, наверняка знакомо каждому. Я и товарищи, затаив дыхание, ждали у “кормушки”, когда пацан сходит наверх и принесет ключи.

– Таких только за водкой посылать, – проворчал Мотолок, и я полностью разделял его чувства.

Парень дошел до решетчатой двери, подергал ее, убедился, что она заперта, и вернулся. Чем он занимался там несколько минут?

– Поссать сходил, – пояснил вернувшийся с пустыми руками пацан.

Неудивительно, что нам всем показалось, будто прошла целая вечность.

От эйфории, царившей в моей душе минуту назад, не осталось и следа. Я уткнулся лбом в “броню”, стараясь восстановить в голове все детали на продоле. И вспомнил.

– Ты видел ключеулавливатель у решетчатой двери, малой?

– А че это? – спросил пацан.

– Труба квадратного сечения, прикрученная болтами к стене.

– Там темно, ни черта не видно, но что-то похожее рукой почувствовал – я шел на ощупь вдоль стены.

Я повернулся к Мотолку.

– Где остатки факела?

Славка поднял с нар потушенную “дровину” – не больше трети от первоначальной длины.

– Слав, скатай еще “дрова” на всякий случай, полиэтилена и газеты должно хватить. Запомнил, как делать? – Мотолок кивнул, и я повернулся к парнишке. – Малец, я тебе сейчас дам факел. В конце коридора есть душевая. Бывал там? Хорошо. Там раньше была подсобка.

– Она и сейчас там есть. В ней хранят швабры, ведра, метлы и прочую хрень, – пояснил Рулевой.

Я кивнул и вновь повернулся к пацану.

– Зайди в нее. Там должны быть железные прибуды типа

лома или ледоруба. Чем-то же они убирают наледь в прогулочном дворике зимой. Сбегай, глянь.

Парень убежал, а мы вновь сидели и ждали. Целую гребаную вечность.

“Интересно, мы в такие моменты стареем? Или время в природе останавливается?” – подумал я ни к селу, ни к месту.

Пацан вернулся, и по моему лицу расплылась улыбка – он пришел с ледорубом. Самодельным – к лому приварена лопасть топора, – но ледорубом.

– Отлично! – сказал я. – Ключеулавливатель у входа на лестницу...

– Да-да, я разглядел его..., – перебил меня пацан.

– ... Замечательно. Иди и выломай его из стены, переверни и потряси. Там должны быть ключи и от хат, и от проходного замка.

Пацан убежал, и через несколько секунд мы услышали, как он лупит ледорубом по стене.

– Думаешь, ключи там? – спросил Евген.

Херасе. А я-то был уверен, что вместе со светом у Евгеши

пропал дар речи.

– Надеюсь. Если так подумать, где им еще быть? Не с собой же ментам их домой тащить. Правила внутреннего распорядка не позволяют. И на столе в дежурке ключи от камер никто не оставит. Когда что-то там наверху произошло, охрана побросала ключи в ключеулавливатель, захлопнула двери и помчалась домой. Я так думаю.

И оказался прав. Парень вернулся и с улыбкой показал нам ключи.

Чтобы открыть двери, потребовалось не больше минуты. Я забросил свою сумку со скудной поклажей за спину и вместе с товарищами вышел на продол.

– Дай-ка сюда эту штуковину, малец, – улыбнулся я, забирая у пацана ледоруб, – пока не поранился.

Радостно переговариваясь, мы кучно направились в сторону выхода.

– Братва. Братва, – слышалось со стороны камеры № 5.

Мы останавливались. “Шерстяной”. Я подошел к пятой хате и заглянул в “кормушку”. Мотолок стоял рядом с новым

факелом в руке и подсвечивал. На меня смотрел тщедушный педофил с богобоязненным лицом. Так и не скажешь, что извращенец.

– Че хотел? – спросил я.

– Освободите меня, братва. За мной не заржавеет.

– Неужели, – произнес, ухмыляясь я, и с любопытством посмотрел на педофила. – И что ты готов предложить?

И ведь предложил. Животное.

– Договоримся. Могу дочерей отдать на вечер, к примеру. Тебе и твоим корешам. Или жену, если предпочитаешь постарше.

Я хмыкнул. С минуту смотрел на “шерстяного”, а затем повернул голову к пацану.

– Открой его.

Малец вставил ключ в замочную скважину и повернул два раза против часовой стрелки. Дверь камеры открылась, и лицо педофила, освещенное отблеском факела, засветилось от счастья. Мне даже показалось, что эта скотина сейчас полезет обниматься.

– Спасибо, – произнес он.

Звучало искренне.

– Пожалуйста, – ответил я и не менее искренне ткнул ледорубом извращенцу в лицо.

Лопасть топора переломила переносицу пополам, и у педофила подогнулись ноги. Я сам получал не раз по носу, и помню эту резкую боль, которая на мгновение вводит в ступор и вызывает противную резь в глазах. От удара извращенец осел в дверном проеме, а потом замычал, хватаясь за лицо. Я размахнулся и опустил ледоруб сверху вниз на башку. Ублюдок успел закрыться рукой, и лопасть топора припечатала кисть к голове, ломая указательный и средний пальцы. Визжа, словно резаная свинья, насильник начал заползать вглубь хаты.

– Передумал с нами идти? – поинтересовался я, входя вслед за ним в камеру.

Облизав губы и взяв ледоруб словно гарпун, я ударил лопастью в затылок. Послышался хруст. Педофил, продолжая визжать, попытался свернуться в позу эмбриона, закрывая голову руками. Я поменял хват, взяв орудие двумя руками за нижнюю часть рукояти, словно топор, размахнулся и опу-

стил поперек корпуса. От удара педофила выгнуло, и я тут же воткнул ледоруб в голову. И еще несколько раз. Бил, пока голова не превратилась в кашу.

Тоже мне, сутенер, ссука, выискался. Секс-маркетолог хуев. Ненавижу насильников.

Бросил ледоруб и сплюнул.

– Портки этого ублюдка, полагаю, будут тебе впору, Слав.

– Да ща. Еще я шмотки не донашивал за чесоткой всякой.

Я пожал плечами. Нравится в трусах ходить – ходи. Развернулся и вышел из хаты. Отпечатки на рукояти даже стирать не стал. Мне уже было плевать на последствия. Одним трупом больше или меньше – все равно не освободиться, если поймают.

Глава 7

Последний раз я освободился с лесной “командировки”. В пять утра. Посреди тайги. Тогда мы вышли втроем – я и двое крепостных из хозобслуги.

Помню, как задвижка дверей шлюза щелкнула за спиной, и я огляделся. Слева и справа возле бетонного забора припаркованы машины сотрудников учреждения. Прямо – поселок, а за ним – глухая тайга.

На попутных
Лесовозах
До вокзала
И домой.

Мелькнули в голове слова Спартака Арутюняна из песни “Зэк на воле”, альбом “Вор” 1998 года. Ага.

Пешком.
До полустанка.
На дрезине
И домой.

Мне и моим спутникам пришлось обогнуть поселение по южной его окраине, а затем углубиться в лес и пройти около двух километров по проселочной дороге, чтобы выйти к “узкоколейке”, тонкой нитью связывающей это место с большой землей. По ней раз в сутки колесит дрезина. По дороге через лес хозбыки весело гоготали, а я молча шел и думал о медведях. Их здесь полно.

Я считал, что хлеще и экстремальнее уже не будет. Ошибся. Наш ночной выход из “кутузки” однозначно оказался самым странным для меня выходом на свободу. Райотдел находится в центре города на Центральном проспекте, и здесь никогда не бывало тихо. Даже в ночное время. Но сейчас нас встретила гробовая тишина. И темень. Ни одного фонаря. Лишь изредка среди облаков и пелены дыма пробивался тусклый свет луны. Никакого движения вокруг. Я вместе с товарищами по несчастью стоял возле информационного стенда “Их разыскивает полиция” и вертел головой по сторонам. Последним ИВС покинул Мотолок. В штанах извращенца.

Я хмыкнул и огляделся: куча брошенных машин посреди дороги; проезжую часть изредка пересекают бездомные собаки; один раз мелькнул человеческий силуэт, но тут же скрылся с глаз долой.

Что происходит?

Ответа на этот вопрос я не знал, но, крутя головой по сторонам, начинал понимать, что привычный для нас мир исчез. В метрах тридцати с правой стороны улицы Братьев Кашириных я видел разбитые витрины алкомаркета и аптеки. Похоже разграблены. Дальше за ними поднимался в воздух густой черный дым – горела местная подстанция. И, кажется, оптовая база, расположенная в двухстах метрах от нее. Там дальше поселок Нефтянка. Судя по направлению ветра, ему точно пиздец.

Я удовлетворенно отметил, что ветер дует в противоположную от моего дома сторону и посмотрел на банк, стоящий прямо через дорогу. С левой стороны, если стоять к банку лицом, должен располагаться магазин рыболовного снаряжения. Насколько помню.

Что ж. Пойдем посмотрим.

Пересек дорогу. Перепрыгнул через небольшое железное ограждение и очутился у железного крыльца с желтыми перилами. Товарищи двигались следом.

– Что происходит, Тихоня? – спросил Мотолок.

– В душе не ебу, – ответил я.

Стоял и смотрел на магазин. Целый и невредимый. Пока никому нет дела до рыболовных снастей. Но это пока.

– Малой, сгоняй обратно за ледорубом.

Малец послушался и побежал обратно к райотделу.

– Хочешь хлопнуть магазин? – спросил Мотолок.

– Да.

– Нахера?

– А че добру пропадать, Слава? Я не знаю, что происходит, но вижу, что закона на улицах больше нет, а там, – я указал пальцем на магазин, – есть рыболовные снасти, спец-одежда и еще куча полезных вещей, которые вскоре будут на вес золота. Если власти не возьмут ситуацию под контроль. Ты уверен, что возьмут?

Мотолок посмотрел по сторонам и пожал плечами. Никто не уверен. О какой уверенности может быть речь, если даже полиция разбежалась, а магазины прямо напротив райотдела ограблены?

Так я и стоял, крутя головой по сторонам, пока не вернулся пацан с ледорубом. Взял приبلуду в руки и поднялся на крыльцо. Нужно выдрать анкера решетки из стены, а для

этого мне понадобится подпор, чтобы использовать ледоруб как рычаг.

Огляделся и показал Рулевому на валяющийся неподалеку кирпич:

– Вить, подай его, пожалуйста!

Рулевой поднял кирпич, подал мне. Я просунул ледоруб под решетку и поместил кирпич между ним и стеной. Немного усилий и...

– Постой, Тихоня, – вмешался Мотолок. – Давай сначала стекла выбьем, пока решетка на месте. Так проще оконный проем от осколков очистить.

Я кивнул, перехватил ледоруб, сделал шаг в сторону от стены и сквозь решетку ткнул лопастью топора в центр стеклопакета. Внешний ряд треснул. Повторил удар, и железо пробило второй, а следом и внутренний ряд. Осталось убрать фрагменты стекла. Я посмотрел на Славку – единственного из нас, кто обут в ботинки. Все остальные стоят в кроссовках. Мотнул головой в сторону окна. Мотолок со вздохом забрался на перила и перелез на решетку окна. Ухватился покрепче, встал поудобнее и начал расчищать ногой периметр оконного проема от осколков, но закончить не успел – раз-

дался грохот выстрела, и меня оглушило. За долю секунды Мотолок лишился половины лица и, словно куль, рухнул на землю.

Я бросил ледоруб и включил “режим труса”.

“Спешный выход из зоны поражения”, – скажет с язвительной ухмылочкой Леха Bravo, но позже. А сейчас от угла банка меня отделяли десять метров открытого пространства, и я постарался как можно скорее их пересечь.

Благополучно добрался до укрытия, не получив заряд картечи в спину, шумно выдохнул с облегчением, но останавливаться не стал – вдруг хозяин магазина решит преследовать. Бегом я обогнул здание банка против часовой стрелки, выскочил на Братьев Кашириных, перешел на быстрый шаг, стараясь отдышаться, и ускоренным темпом направился в северо-западном направлении. Шел и мысленно хвалил себя за то, что догадался вставить в кроссовки джинсовые полосы вместо шнурков. В отличие от балбеса Мотолка.

Спешно двигаясь по темной улице, я ощущал тряску в конечностях от избытка адреналина, а в груди колотило так, словно там вместо сердца отбойный молоток. Сегодня мне откровенно повезло, но впредь нужно думать головой. Отключился свет – отключилась сигнализация. Чтобы уберечь

имущество, хозяин поселился в магазине. Несложно ведь догадаться. Но мы не догадались, и Мотолок погиб.

Смерть Славки я пережил легко и непринужденно – на его судьбу мне было плевать.

Миновал ресторан, стоящий с правой стороны дороги. Его зияющие дырами разбитые витрины напомнили мне о том, что нужно уходить с главной улицы. От греха подальше. Я свернул в ближайший проулок и, часто оглядываясь, пошел в сторону дома. Мне предстояло пересечь около двух километров безжизненного пространства.

Безжизненного ли?

Шел по частному сектору в полной темноте и не мог избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Из окон каждого дома. Может, эта игра моего воображения, но ощущения сложились такие. Я знал, что жители никуда не делись. Они остались здесь, в своих жилых мини-крепостях, затаились и ждали, когда власти наведут порядок. Подобного оптимизма я не разделял и внимательно посматривал по сторонам. В такие времена без ножа в кармане чувствуешь себя голым.

Там, на темных и безлюдных улицах частного сектора я

пришел к выводу, что необходимо срочно раздобыть оружие. Чем быстрее, тем лучше. Но где? Идея вернуться наутро в райотдел и попробовать поискать там, сначала показалась здоровой, но, поразмыслив, пришлось отказаться от нее. Вот реально, как бы я поступил, будучи служителем закона, часто пересекающим черту дозволенного? Таким как Гуревич. Пришел бы на ИВС и застрелил всех арестантов, чтобы избавить город разом от нескольких лишних ртов и подонков в одном лице. В особенности от такого как я.

Сегодня Гуревич не пришел. Видимо, были дела поважнее. Но может прийти завтра. И застанет пустые камеры и труп. Чем больше думал об этом, тем отчетливее понимал – нужно уходить из города. Подальше, пока царят хаос и неразбериха.

До дома дошел за двадцать минут. Помня, что ограда закрыта на замок, пошел через зады. Проходя мимо курятника, убедился, что куры на месте. Нужно чуть позже перетащить их в сарай рядом с домом. Пересек огород и вошел во двор. Собаки были на месте и встречали меня радостным лаем. Я открыл дверцу вольера, и двум сорокакилограммовым тушам на радостях не составило труда сбить меня с ног. Я рассмеялся. Собаки лизали мне лицо, игриво кусали ладони, которыми я прикрывался, скулили от радости. Чесал их за ушами, царапал грудь, обнимал, чувствуя их мокрые носы

на своем лице. Потом поднялся, взял миску и отправился в огород, где зачерпнул из бочки воды. Псы жадно пили. Вольтер я закрывать не стал. Вошел в дом и в первую очередь напился сам – воды в доме хватало, мама всегда держала про запас две двадцатилитровые пластмассовые фляги под столом в углу кухни. В доме был хлеб, и я накормил псов. Сам съел пару краюх, после чего занялся отловом кур и перемещением их в сарай возле дома.

Глава 8

Способность планировать – не то качество, которым мне следует гордиться. И последние две недели это наглядно показали. Что я только не планировал, смотря в окно с верхней полки плацкартного вагона. За двое с половиной суток поездки перебрал в голове кучу всевозможных вариантов. И что в итоге? Можно, конечно, сказать, что обстоятельства так сложились. Но план для того и нужен, чтобы следовать ему, невзирая на обстоятельства. Не так ли?

Теперь мне нужен новый план. Иначе не выжить. Если восстановится законная власть, меня схватят и посадят. Надолго. Если установятся новые порядки, то бразды правления на начальном этапе возьмут люди, способные действовать жестко и бескомпромиссно. Такие, как Гуревич. И первое, что они сделают – начнут вылавливать всех представителей криминального сообщества и избавляться от них, чтобы потом спокойно строить новое общество. В их глазах я и мне подобные – сорняки, мешающие огороду приносить плоды.

Здесь мне оставаться нельзя. Нужно уходить. Но для на-

чала необходимо выяснить, что происходит вокруг, чтобы определиться с маршрутом.

Сидя на крыльце, я закурил. Псы недовольно покосились и отошли в сторону. Поразительно, как у суки весом семнадцать килограмм уродились два таких кабана. Я был на свободе, когда Шубка принесла щенков. Раздрай – жесткошерстный с шерстью средней длины, бежевая шубка с небольшим рыжеватым оттенком вдоль хребта, меж ушей и на хвосте. Раздор – длинношерстный с чепрачным окрасом, как у овчарки: темная спина, бока, хвост и затылок, черная маска на лице, а лапы и брюхо рыжеватые. Мама писала, что у Раздрая зимой черный подшерсток, а у Раздора белый.

При воспоминании о матери сердце сжалось от боли. Похорошему, мне следует забрать ее тело из морга и похоронить. Если еще не похоронили.

Сидя на крыльце с сигаретой в руках, я окончательно определился с планом действий. Первым делом нужно навестить Софью Михайловну Фрязину – мою учительницу физики. Наверняка она хотя бы имеет представление, куда, черт возьми, пропало электричество. Если и она не в курсе, то постараюсь у нее узнать, кто может просветить на этот счет. Затем, опираясь на полученную информацию, выберу подходящий маршрут. А еще мне понадобится велосипед. Или

лошадь. Но наездник из меня тот еще, поэтому лучше велосипед. Ему не нужна вода и пища, он не болеет, нет риска, что начнет хромать или сляжет с коликками в животе. К тому же велосипед гораздо проще достать. Потом мне необходим рюкзак, нужны припасы, сменная одежда. Что-нибудь от дождя и ветра. Палатка? Слишком громоздко. Нужно двигаться налегке от одного селения к другому, искать заброшенные дома или проситься на постой.

И оружие. Мне нужно оружие. Пускаться вдаль безоружным – идиотизм чистой воды.

Хорошо бы раздобыть карту.

С этими мыслями я встал и отправился в дом, чтобы поспать пару часов. Но уснул не сразу. Ворочался и думал, когда лучше навестить Софью Михайловну. Днем опасно, можно нарваться на какой-нибудь патруль из народной дружины либо ополчения, или что там придумают местные активисты. Ночью Софья Михайловна дверь не откроет. Побоится. Еще неизвестно, живет ли она на прежнем адресе. Но об этом я узнаю, когда буду на месте. Похоже, придется рискнуть и навестить учительницу засветло.

Так, размышляя то об одном, то о другом, я уснул. Не знаю, сколько в итоге проспал. Когда встал, солнце уже све-

тило ярко. Часов девять утра, не иначе. Сходил в сарай и поймал курицу. Отрубил голову. Общипал, потроха отдал собакам. Вытащил мангал и разжег огонь. Положил два шампура поперек мангала и поставил на них кастрюлю. Пока закипала вода, разделал тушку на мелкие части и поставил варить.

Отработал дежурные сто ударов ногой, немного позанимался с гирей и пошел в баню, где ополоснулся холодной водой. Тщательно почистил зубы – за ними сейчас нужно следить с особой тщательностью. Вообще не представляю, что делать, если зуб разболится.

Курицу варил не меньше часа. Собаки все это время сидели рядом и ждали добавки.

Точно не скажу, во сколько вышел, но по внутреннему ощущению было примерно около одиннадцати утра, когда я, зашнуровав кроссовки нормальными шнурками и прикрыв голову светло-серой бейсболкой, вместе с двумя псами покинул дом. Не забыл положить в задний карман джинсов нож. Зашел в сарай, достал тонкую цепочку – заказал в интернете, когда родились псы. Думал, оставлю одного щенка, буду приучать к поводку, а второго отдам. В итоге привязался к обоим и никому не отдал, а затем псы выросли – цепочка так и не пригодилась. Кусачками откусил от нее кусок длиной

около метра. На один конец нацепил кольцо для ключей, который накинул на большой палец. Ко второму концу привязал хлыст из дратвы длиной не больше двадцати сантиметров. Обмотал цепь вокруг запястья, – чем не браслет? – и вышел со двора.

Шел задами. Так меньше вероятности для неприятных встреч. Заодно присматривался, где и чем можно пожить, но с этим делом сейчас нужно быть аккуратнее. Иначе могут пристрелить. Без всякого угрызения совести. Как Мотолка.

За прошедшие сутки я ни разу не вспомнил о бывших сидельцах. Куда они подевались, мне, откровенно говоря, было наплевать.

Потребовалось полчаса, чтобы пересечь частный сектор и выйти на центральный проспект, за которым начиналась многоэтажная застройка. Изредка видел людей, но старался держаться на расстоянии. Софья Михайловна жила в четырехэтажном доме по улице Ленина. Четвертый подъезд, третий этаж, угловая квартира справа – это я четко помню со школьных времен, когда после субботника помогал своей классной руководительнице донести сельскохозяйственные инструменты до дома.

К центральному проспекту решил выходить не со стороны улицы Братьев Кашириных – побоялся засветиться возле райотдела. Взял на полкилометра правее, пересек проспект рядом с шиномонтажкой и пошел вдоль гаражей. Спустя пять минут вышел на улицу Луначарского и взял курс строго на восток, двигаясь к центральной площади. Дошел до самого длинного дома в нашем городе. В детстве я занимался греко-римской борьбой и каждое утро перед школой совершал пробежки. Длина дома составляет около ста метров. Пробегая мимо него, я всегда ускорялся. Сейчас, разумеется, ускоряться не стал, а просто свернул во дворы по направлению к переулку Стройплощадка.

Я шел и вспоминал о событиях давно минувших дней. О том, как подавал спортивные надежды. В меня верила мать. Верил тренер. Но спортсменом я так и не стал, а вместо этого превратился в форменную скотину, абсолютно не способную сопереживать.

Из воспоминаний меня выдернули псы – за метров тридцать до переулка они вдруг остановились и уставились на угол пятиэтажного дома. Ощерились. Оскалили клыки.

Я насторожился и достал левой рукой нож.

– Кто там, парни?

Псы продолжали тихонько рычать. Я еще не понимал, с кем придется иметь дело, но видел, что моим псам этот некто жутко не нравится. Они ждали его появления, скаля клыки. Ждал и я, крепко сжимая нож. Стоял, затаив дыхание, и вслушивался в шаги за углом. Сначала показалась тень, а затем из-за угла на меня вышел человек в черной футболке, синих джинсах с большим рюкзаком за спиной. В руках бита. Он остановился как вкопанный и замер, поглядывая то на меня, то на псов.

Коллектор. Вот так сюрприз!

Я разжал кисть, распуская цепь. Коллектор стоял в трех метрах от меня. Он хоть и выглядел растерянным, но битку перехватил поудобнее, готовясь к драке. Сучонок.

Эмоции на его лице чередовались одна за другой: растерянность сменилась настороженностью, затем опасением, и, наконец, решимостью. И за всем этим набором мимик я четко видел, как коллектор усиленно пытается вспомнить, где мы пересекались.

Забыл, значит. Что ж, напомним.

– Привет, – ухмыляясь, произнес я и облизал губы.

– Земеля, я просто иду мимо по своим делам. Ок? – произнес коллектор, “примирительно” приподнимая руку с битой.

Бейсболист хуев.

Рыча, собаки обошли коллектора сзади.

– Ок, – ответил я, наматывая цепь обратно на ладонь и убирая нож в карман.

Бита – это серьезный аргумент. Не спуская с коллектора глаз, я прошел мимо, но, не пройдя и трех шагов, разжал кисть, резко остановился и с разворота полоснул коллектора по лицу цепочкой.

Знаете, подобные удары, они мгновенно... эээ... отупляют. Человек впадает в ступор. Говорят, что кончик хлыста развивает сверхзвуковую скорость. Отсюда и этот звук – сухой при щелчке в воздухе и чавкающий при соприкосновении с кожной поверхностью.

Кожу прижигает и практически сразу начинает ломить. Жгучая боль растекается по лицу, руки автоматически поднимаются, пытаюсь на ощупь оценить ущерб. То же самое произошло и с коллектором. Он вскрикнул, выронил биту, схватился за лицо, и я, раскрутив цепочку над головой, по-

вторно стеганул по голове. Удар большей частью пришелся по пальцам, разрывая кожу, но хлыст все же полоснул по виску.

После второго удара коллектор завыл и упал на колени, прижав подбородок и руки к груди, а я поднял биты с земли и отбросил подальше.

– Ымммм, – мычал он, перекатываясь на бок.

Размахнувшись, я стеганул цепью по бедру. И снова этот противный щелчок. Я видел, что удар не распорол ткань джинсов, но не сомневался, что кожа под штаниной лопнула. Завывая, коллектор схватился за ногу.

Я выпрямился и расправил плечи. Намотал цепочку на кисть и, с ножом в руке, начал обходить коллектора по часовой стрелке.

– Думаешь, я закончил, сучий потрох? Думаешь, за смерть матери я спрошу парой царапин на ебальнике?

– Пппожалста, не надо, пппрошу, не...

Мой терпила скулил. Я не хочу и не буду отрицать, что для моих ушей этот скулеж звучал как песня.

Сделав круг вокруг коллектора, я остановился, примерился и всадил нож в брюхо. Клинок вошел легко, не встречая сопротивления. Терпила захрипел и я, нажав на рукоять, резко дернул рукой вверх и влево, стараясь зацепить лезвием печень. Зацепил или нет, не знаю, но вой перемешался с хрипом и коллектор схватился за брюхо, широко открывая пасть и хватая ртом воздух. Я давил на рукоять и видел, как побагровело рассеченное поперек лицо терпилы, остекленели от боли и ужаса глаза. Чувствовал запах испражнений вперемешку с кровью.

Сплюнул, отступил. Обошел и сдернул с его плеч рюкзак. Терпила шумно хрипел, уткнувшись лбом в землю. С короткого разбега я пробил пенальти в голову. Коллектор “поплыл”, упал в состояние нокдауна и, на короткое время, заткнулся. Я снял с его пальца обручальное кольцо – золото мне вскоре пригодится, – развернулся и пошел, не забыв прихватить битую.

Псы все это время не прекращали лаять, и я не сомневался, что за моей расправой наблюдал весь дом. А может и соседние дома. Шумновато получилось.

– Раздрай, Раздор! – бросил я через плечо, стараясь как можно быстрее уйти подальше. Мало ли.

Чуть отойдя, я воткнул нож в землю, стирая с клинка все то дерьмо, в котором он испачкался, вспарывая терпиле кишечник. Какое-то время до моих ушей еще доносился скулеж коллектора, но меня страдания этого ублюдка несколько не волновали. Как и то, что его жена стала вдовой, а дети (если они у него есть) – сиротами.

В будущем я часто делился историями своей жизни со спутниками, но об этой умолчал.

Глава 9

Военкомат. Орган местного военного управления. Одно из основных звеньев защиты страны. Он мобилизует людские и народно-хозяйственные ресурсы в трудные времена, и следует полагать, что именно здесь должна быть организована работа по наведению порядка.

С такими мыслями я подходил к военкомату и вполне обоснованно опасался, что могу попасться на глаза кому-нибудь из представителей правопорядка. Но у военкомата царила тишина. Двери военного комиссариата были закрыты, на его крыльце не толпились желающие помочь родному городу разгрести последствия происходящей катастрофы.

Дом Софьи Михайловны находится прямо за военкоматом. С рюкзаком за спиной я подошел к четырехэтажке. Домофоны, разумеется, не работали, и полуоткрытая дверь подъезда дружелюбно приглашала пройти внутрь. Я прислушался и, не услышав ничего подозрительного, зашагал по лестнице. Поднялся на третий этаж, морщась от едкого запаха мочи – похоже, какой-то “гений” решил не гадить в квартире и устроил туалет на площадке, – и постучал в дверь.

Мне никто не открыл, но до ушей донесся едва уловимый шорох. Дома кто-то есть. Не сомневаюсь, что сейчас этот некто наблюдает за мной в дверной глазок.

– Софья Михайловна, здравствуйте! Это ваш бывший ученик, Тихомиров. Откройте, пожалуйста, мне нужно с вами поговорить.

Никто не открыл. Я вздохнул и облизал губы.

– Софья Михайловна, послушайте. Я хочу узнать, что происходит. Думаю, у вас есть кое-какие мысли на этот счет. Поделитесь ими со мной, а я постараюсь вас отблагодарить. Едой, например, или водой.

На этот раз мои слова подействовали, и я услышал щелчок замка. Дверь приоткрылась на длину цепочки-ограничителя, и я увидел перед собой незнакомую мне женщину. Примерно моего возраста. Подстриженные под каре темно-русые волосы, серые глаза. Схожие с Софьей Михайловной черты лица подсказывали, что на меня смотрит ее дочь.

– Ээ, здравствуйте! Простите, я могу поговорить с Софьей Михайловной?

– Она умерла, – ответила женщина, – два года назад.

Я малость растерялся. Вот и планирую после этого.

– Умерла? Хм, простите, я не знал. А вы ее дочь?

– Да.

– Вы, случаем, не физик?

– Да, физик. У нас это ... семейное.

– Хорошо. Может вы сможете мне объяснить, что происходит?

Женщина продолжала настороженно смотреть на меня, потом спросила:

– У вас есть еда?

Хороший вопрос. Я снял рюкзак и полез внутрь. Еда нашлась, но такая себе: чипсы да пряники. Еще бутылка минеральной воды на полтора литра. Я вздохнул.

– Я отдам вам все это, но вы должны рассказать мне о том, что знаете. А потом схожу домой и принесу вам тушку курицы. Договорились?

Несколько секунд женщина молча изучала меня, а затем кивнула и сняла цепочку с ограничителя. Я вошел в квартиру.

Расположились на кухне. Сел поближе к окну, чтобы не чувствовать распространяющуюся из туалета по квартире вонь. Хозяйка, откровенно говоря, тоже не благоухала, что неудивительно – в благоустроенных квартирах, как правило, воды про запас не держат. Или держат, но в небольшом количестве.

Я видел, что ее несколько смутило мое гладко выбритое лицо и отсутствие грязи под ногтями. Словно отвечая на ее безмолвный вопрос, я произнес:

– Вам нужно перебираться в частный сектор. Здесь вам не выжить.

Женщина горько усмехнулась.

– Во-первых, у меня нет никого, кто бы с радостью принял меня в своем доме. Во-вторых, позавчера муж ушел на поиски пропитания и не вернулся. Я все еще надеюсь, что он вернется. В-третьих, я не теряю надежды, что власти смогут взять ситуацию под контроль.

На этот раз пришла моя очередь усмехнуться.

– А вы оптимистка. Как ваше имя, кстати?

– Татьяна.

– Вадим, – представился я и протянул руку для рукопожатия, – Скажите, Таня, вы знаете, что происходит? Только, пожалуйста, простым языком и в общих чертах, если это возможно.

– А вы разве не знаете? На солнце произошла вспышка. Точнее, две, с разницей в несколько минут. Очень мощные. Электромагнитный импульс вывел из строя всю электронику. По телевизору и радио ведь успели предупредить примерно за день. Вы словно с Луны свалились.

– Почти. В тюрьме сидел.

– О, – женщина явно растерялась и, по-моему, даже немного испугалась.

Пауза затянулась.

– Что именно сказали по телевизору перед вспышкой? – спросил я.

– Чтобы не покидали дома во избежание сильного облучения. Что людям, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями и гипертоникам необходимо держать лекарства под рукой, возможны осложнения хронических заболеваний. Вообще-то ученые примерно за две недели, может чуть раньше, говорили о возможных сильных магнитных бурях, но никто не ожидал, что она станет настолько мощной и разрушительной.

Примерно две недели. А может чуть раньше. В это время я либо досиживал срок в ПКТ, либо трясся в плацкартном вагоне.

С ума сойти. Какая-то чертова магнитная буря. Не ядерная война. Не пандемия. Не астероид. Цивилизацию уничтожила одна вспышка. Точнее две.

Или все же не уничтожила?

– Как думаете, электричество скоро восстановят?

– Думаю, на это потребуется лет десять, если не больше.

Сейчас нас отбросило примерно на лет двести назад. Механика и энергия пара. Никакого электричества.

– Неужели так сложно запустить электростанцию?

– Дело не в электростанции. Под электромагнитный удар попали сначала спутники, а затем все заземленные системы. Все линии электропередачи. Сильные магнитные колебания породили в проводах индукционный ток огромной мощности. Несколько сот ампер. Высоковольтные трансформаторы на работу с таким током не рассчитаны. Они все вышли из строя. Чтобы возобновить подачу электричества, нужны трансформаторы. А где их взять? Это ведь не запчасть, которую можно принести со склада. Вы и сами видите, что из строя вышли не только центральные системы электропередачи, но и вся электроника. Транзисторы, процессоры, кон-

денсаторы – все расплавилось.

Я молчал.

– Вы слышали о событии Кэррингтона?

Я отрицательно покачал головой.

– Его еще называют суперштормом. В 1859 году на солнце произошел корональный выброс массы, который достиг поверхности Земли через восемнадцать часов. Все телеграфные системы вышли из строя. Из-за северного сияния ночью стало светло словно днем. Подобное явление мы наблюдали пару дней назад, но вы, вероятно, этого не видели, поскольку находились в тюрьме, да?

Я кивнул.

– На этот раз геомагнитная буря была на порядок сильнее. Нечто похожее произошло между 774 и 775 годами. Тогда на Землю обрушилась солнечная вспышка и, столкнувшись с магнитным полем планеты, вызвала геомагнитную бурю в десять раз сильнее, чем событие Кэррингтона.

Я сидел и переваривал услышанное, а потом спросил:

– Что произошло после отключения электричества?

– Первые часы царил шок, а потом наступил хаос. Я видела в окно, как кто-то ограбил магазин. Этому примеру последовали другие. Все побежали стремительно запастись припасами и водой. В том числе и мой муж. Люди словно с ума сошли. Всю ночь раздавались звуки стрельбы и крики о помощи. Запастись продуктами оказалось гораздо проще, чем донести их до дома. Потом все стихло. Видимо, люди, наконец, посчитали, что лучше поголодать, чем погибнуть где-нибудь в подворотне.

Я снова кивнул. Что ж, ситуация прояснилась. Вставая из-за стола, пообещал Татьяне, что попробую сегодня-завтра занести ей курицу и немного воды.

– Как я ее буду варить? – спросила женщина.

Блять.

Пришлось пообещать, что сварю сам. Попрощавшись, я вышел из квартиры Фрязиной.

– Вадим, вы не обманите? – спросила с порога Татьяна.

Я замер на середине лестничного пролета.

– В плане?

– Ну ... про еду. Правда занесете?

– Да, Таня, занесу. Не переживайте, – заверил я и начал спускаться.

Пока шел домой, думал о коллапсе, который откинул человечество на пару веков назад. А ведь мародерства и беззакония можно было избежать, если бы власти отнеслись к словам ученых всерьез. Но они не прислушались и оказались не готовы к энергетической катастрофе. А когда они готовы хоть к чему-то? Как снегопад, так половина автопарка уборочной техники на ремонте. Как ливень, так ливневки засорены.

Я подумал о Татьяне. Признаюсь, в моей голове блуждала мысль не возвращаться. Но в этот раз я решил не вести себя как скотина. К тому же завтра мне уезжать, а в сарае петух и восемь кур. Куда их девать? Пусть лучше Татьяна съест.

Подходя к месту расправы над коллектором, я почувствовал едва уловимое и доселе незнакомое мне чувство – угрызение совести. Даже мне, отмороженному на всю башку, было понятно, что парень всего лишь выполнял свою работу. Зачем я его убил?

“За смерть матери”, – нашел я ответ и сам себе не поверил. Маму убил не коллектор, а сердечный приступ. Моя старуш-

ка, прожив честную жизнь, влезла в долги и попала в долговую яму. Для нее это стало позором, который она не смогла перенести. Хотя я не видел в этом ничего позорного. Так получилось. Со всяким может случиться.

И за это я убил человека. Третьего за неполные трое суток.

Не многовато ли, Тихомиров?

Причем всех троих вальнул по-скотски. Допустим, педофила поделом, а...

“Ну хватит, бля. Завязывай!” – одернул я себя и тряхнул головой.

Сейчас лучше сосредоточиться и подумать о насущной проблеме. Например, поразмышлять над сложившейся ситуацией. Картинка вырисовывалась так себе на самом деле.

Вообще-то, у небольших поселений есть все шансы выжить. Нужно лишь властям и силовикам объединить усилия, разбить населенный пункт на сферы ответственности, набрать ответственных и добропорядочных людей. Желających навести порядок наберется предостаточно. Нужно лишь сесть на велосипед с рупором в руках – подойдет любой металлический конус, – объехать вверенную территорию и объ-

явить об общем сходе. Решить проблему с патрулированием, гужевым транспортом, назначить пожарные команды, разбить пункт медицинской помощи, взять под контроль объекты, которые еще не разграблены. В особенности продуктовые и оружейные склады, семеновохранилища, топливные запасы и прочие важные точки. Наладить ночное освещение улиц. Например, с помощью свечных фонарей или масляных факелов. Свечные предпочтительней, поскольку не выделяют запаха, а при наличии плафонов дают хорошее освещение.

Для большей безопасности потребуются установить на улицах блокпосты с вооруженными дружинниками. В дружинниках недостатка не будет, если пообещать оплачивать дежурство едой. Или свечами. Организовать производство свечей не проблема.

Настоящей проблемой этого города может стать национальный вопрос. На юге и востоке – казахи. На западе – башкиры. Вокруг несколько поселений с нагайбаками и татарами. В городе помимо русских живет азербайджанская и армянская диаспоры. Если не взять под контроль периметр города, тут начнется резня. И уже скоро. А когда периметр будет установлен, мои шансы выбраться из городка резко снизятся. Нужно спешить.

Но куда бежать? Над этим вопросом предстоит крепко подумать. Проще всего затеряться в мегаполисе, но большим городам пришел пиздец. Это здесь, в небольшом городке, люди могут самоорганизоваться в общины, затем собраться с представителями других общин и начать совместное налаживание жизнедеятельности. А в больших городах лица, принимающие решения, расселились по элитным коттеджным поселкам в десятке километрах друг от друга. Им не собраться вместе. Можно предположить, что в городах появятся автономные сектора, но как они там будут жить без канализации и воды? Допустим, воду можно брать в природных водоемах – большинство городов стоят на берегу рек и озер. А как быть с отоплением зимой? А с вывозом мусора? Нет, лучше поселиться в сельской местности, но в деревнях в это смутное время местные жители вряд ли обрадуются незнакомому человеку.

Так что вопрос, куда идти, остается открытым. Ясно лишь одно – нужно двигать на юг. Где теплее. Потому что ближайшая зима станет огромным испытанием для человечества.

Кстати, можно предложить Татьяне переехать в мой дом. Пусть оставит мужу записку. Интересно, у него есть ключи от квартиры? Надо обдумать этот вариант и убедить женщину поменять место жительства. Думаю, она сама понимает, что одной ей в этой каменной коробке посреди хаоса не выжить.

Умрет с голода или от холода. Не знаю, как она будет добывать пропитание и защищать себя, но это уже ее проблемы.

Хотел обойти двор, в котором повстречал коллектора, стороной, но пока соображал, какой выбрать маршрут, меня осенило. А почему бы сейчас не предложить Татьяне переехать в мой дом? Тогда мне не нужно будет заморачиваться с курами. Я остановился и задумался. Действительно. Вернусь, пока не ушел далеко, и спрошу. Если не дура, то согласится.

Идея показалась здоровой. Ссука, и почему я сразу об этом не подумал. Развернулся и пошел в обратную сторону. Пока шел, даже мелькнула мысль взять Таню с собой на юг, но пришел к выводу, что это бредовая затея. Во-первых, она не поедет из-за мужа. Во-вторых, баба, причем довольно миловидная, будет слишком лакомым кусочком для всякого отребья. А я не хочу сдохнуть из-за бабы.

Нет. Поеду один с собаками. Кстати. А где мои собаки?

– Раздрай, Раздор! – позвал я.

Через пару минут псы появились из подворотни. Раздор держал в зубах крысу.

– Даже не вздумай лизать мне руки, крысолов, – проворчал я.

Глава 10

Нужно быть полным идиотом, чтобы в такие смутные времена просто взять и войти в открытую дверь. Я вошел.

“За мной следом забыла закрыть”, – подумал я, переступая через порог, и тут же получил удар в лоб. Не знаю чем, но в ушах зазвенело, а в глазах помутнело. Я почувствовал, что падаю. Опрокинулся на задницу и завалился набок. Руки инстинктивно прикрыли голову, но следующий удар пришелся не по голове, а пинком под дых. Из меня вышибло дух, и я захрипел.

В ноздри ударил запах крови. Говорят, кровь пахнет железом или медью. Понятия не имею, но я точно не спутаю этот запах ни с чем. Думаю, прошло секунд десять, прежде чем в глазах перестало двоиться, и мне удалось сфокусировать взгляд на происходящем вокруг. Первое, что бросилось в глаза – берцы примерно сорок третьего, может, сорок четвертого размера. Я поднял голову. Надо мной стоял тип в джинсовой куртке и камуфляжных штанах, а за его спиной я увидел еще одного, который дрожил прямо в дверном проеме спальни, спустив штаны до колен. Из спальни доносился

плач Татьяны вперемешку с мольбой. Женщина раз за разом повторяла:

– Пожалуйста, не надо. Прошу вас, прекратите.

Затем я услышал ее хрип. Похоже Таню душили. Я попытался встать, но тип в джинсовке не дал, ударив носком ботинка под ребра. Меня согнуло пополам и вырвало.

– Ты ее муженек? Хошь глянуть, че там происходит? – тип наклонился, взял меня за подбородок и приподнял лицо, заглядывая в глаза.

Его пальцы воняли табаком.

– Так муженек или нет?

– Не, – прохрипел я.

Голова раскалывалась.

Из спальни вышел, застегивая ширинку, седой мужик. Дрочила прошел внутрь.

– Только на лицо не кончай, возьмем с собой для Антипа, – бросил он через плечо, затем посмотрел на меня и спросил у типа в джинсе. – Младшой, ты какого хуя входную дверь

не закрыл? А если бы он с дружками заявился? Ты его общмонал?

– Неа.

– А почему? Дебил, бля. Ты не подумал, что он может быть вооружен?

Я попытался принять позу поудобнее, но тут же получил пинок ботинком по лицу, едва успев подставить под удар лоб. Уж лучше по лбу, нежели в челюсть, но от этого было не легче. Удар вновь заставил меня рухнуть на пол, и перед глазами опять поплыло.

Рана на лбу начала кровоточить сильнее, и мое лицо заливало кровью. Я чувствовал, как меня шмонают. Забрали нож и золотое кольцо коллектора. Открыли рюкзак. Там лежала только бита – скудные припасы я отдал полчаса назад Татьяне.

Потом Седой вернулся в спальню.

– Слышь, ты ей так шею сломаешь, – донеслось до моих ушей. – Хули ты ее душишь?

– В рот не хочет брать, шаварешка, зубы сжимает.

– Ну так вставь ей в ухо карандаш. Не будет сосать, проткни барабанную перепонку. На одно ухо оглохнет, станет более послушной. Учить вас всему, блять, надо.

Я не придумал ничего умнее, как начать ползти на кухню. Наверное, не хотелось лишний раз мозолить ублюдкам глаза и слушать подробности издевательства над Таней. Сначала хотел позвать псов, но в глотке пересохло. Голова кружилась. И я просто пополз.

– Куда ты направился, терпила? – произнес тип в джинсе.
– Эй, Седой. Он на кухню ползет.

Сзади слышались шаги.

– Ну давай поможем. Так даже лучше, под ногами не мешается.

Меня взяли под руки и втащили на кухню.

– Убери ножи и прочую утварь, Младшой.

Я лежал на полу кухни и хрипло дышал. Способность соображать постепенно возвращалась. Между тем тип в джинсе вытащил кухонный ящик со столовыми приборами. Забросил в него половники, скалку, двухзубцевую сервировочную вилку и вместе с ящиком покинул кухню, перешагнув через меня. Я услышал щелчок запираемого замка входной двери. Периодически доносились редкие мольбы Тани, ко-

торые практически сразу обрывались рвотными звуками.

Тип в джинсе стоял на углу и лениво посматривал на меня. Потом его осенило:

– Седой, я че подумал – может, возьмем его с собой?

– Нахуя? – спросил тот из глубины комнаты.

– В качестве шныря. Пусть сидит на цепи, выполняет грязную работу. Шмотки стирает, дрова колет и все такое.

Седой вышел в прихожую, посмотрел на меня.

– У нас уже есть один.

– Вдруг подойдет. Не нужно будет нового искать.

Седой задумался.

– Хорошо. Только свяжи ему руки чем-нибудь.

Тип в джинсе пошел искать веревку, а я попробовал сесть, оперевшись спиной о стену. У меня получилось. Голова жутко болела. Кровь продолжала стекать по лицу, но я уже не обращал на нее никакого внимания. Нужно было срочно что-то предпринять. Левой рукой облокотился о табурет, а правой взялся за дверную ручку кухонной двери. Попробовал встать, и у меня получилось. На ногах стоял нетвердо, поша-

тываясь, но стоял. Слышал, как переговариваются ублюдки, сетуют, что ехать пора, а их товарищ все кончить не может. Слышал, как Седой советует дрочиле войти Тане в очко, чтобы побыстрее управиться.

Стоя на ватных ногах в дверном проеме, я дотянулся до дверной ручки туалетной двери и потянул ее на себя. Прикрыл кухонную дверь, снял цепочку с запястья – ее ублюдки не тронули, видимо посчитав за хипстерский браслет. Руки, как ни странно, не дрожали. Обмотав цепью ручки обеих дверей, я отодвинул стол в сторону, подошел к холодильнику, выдернул шнур из бесполезной розетки, уперся ногой в подоконник и, морщась от головной боли, опрокинул холодильник на пол. И сразу придвинул его вплотную к двери.

Грохот опрокинутого холодильника заставил ублюдков побросать все свои дела и ломануться на кухню. Дрочила похоже так и не кончил. Я слышал крики и брань. Уебки пинали по двери, пытаясь ее выбить, но холодильник мешал. Чтобы усложнить уебкам задачу, я сел на пол, прислонившись спиной к стене, а ноги упер в холодильник.

И мои губы вдруг зашептали:

Есть море Океян, на нем море железное.

На том море железном есть столп железный.

На столпе том железном стоит Муж Железный.

В руках Мужа Железного посох железный

От земли до неба, от запада до востока.

Защити меня Муж Железный от железа каленого и не каленого.

От железа острого и не острого.

От железа всякого.

И от бою, и от сечи,

И от рубки, и от резанья,

От резанья да от колотья.

От оружия ратного и не ратного.

Я шептал слова древней молитвы и вертел головой, ища что-нибудь подходящее в качестве оружия. Не вставая с пола, откинул дверцу холодильника, но ничего полезного там не нашел. Пришлось встать, подойти к полке с тарелками. Разбил одну об угол раковины, снял кепку и обмотал ей продолговатый осколок, чтобы не поранить руку. И вовремя. Типу в джинсе наконец удалось чуть сдвинуть холодильник с места и просунуть руки между дверей. Так он и цепь, обмотанную вокруг ручек, сбросит.

Я ждать не стал. Сам не ожидая от себя такой прыти, одним прыжком пересек кухню и полоснул осколком стекла по пальцам ублюдка.

– Ааааа, ссука, блять, пидор ебучий, – заверещал тот, и я удовлетворенно кивнул, облизывая пересохшие губы.

Встал у стены справа на случай, если ублюдки начнут палить из огнестрела через дверь. Но ублюдки не стали стрелять. Они и с дверями-то возились недолго. Не сумев с наскока прорваться на кухню, под отборную брань Младшего спешно покинули квартиру. Уж слишком шумным получился налет. Даже по нынешним временам.

Я какое-то время сидел на кухне и прислушивался. Могли ведь одного и в засаде оставить. Поэтому немного выждал, а потом начал распутывать цепь. Выйдя с кухни, первым делом закрыл входную дверь, а затем пошел, пошатываясь, в спальню. Но Тани там не было.

Башка болела и я сел на пол, прислонившись спиной к кровати. Во рту стоял противно-кислый вкус блевотины. Рана, хоть и не так обильно, но продолжала кровоточить. Откинул покрывало, оторвал кусок простыни и приложил ко лбу. Нужно оклематься и идти домой.

А потом я услышал шум со стороны прихожей и резко обернулся. В дверном проеме стоял мальчик лет семи-восьми. Галлюцинация?

– Ты кто? – прохрипел я.

– Миша. Травкин, – ответил пацан, шмыгая носом и потирая зареванные глаза кулаком.

– И как ты сюда попал, Миша Травкин?

– Я здесь живу.

Я удивленно уставился на пацана, продолжая прижимать кусок скомканной простыни ко лбу.

– Живешь?

Пацан кивнул.

– Вы спасете мою маму?

– Маму? Татьяна твоя мама?

Пацан вновь кивнул.

– Ты прятался?

– Да. Под кроватью. В своей комнате.

– Почему я тебя не видел, когда первый раз приходил?

– Мама сказала спрятаться. Потом вы ушли, и я вылез.

Когда в дверь постучали, я снова спрятался.

– Как они попали в квартиру?

– Мама открыла. Они сказали, что им Вадим велел нам мясо передать.

Находчивые ублюдки. Сидели в соседней квартире. Или стояли этажом выше. Слушали наш разговор. Когда я ушел, немного подождали и хитростью попали в квартиру.

Эх, Таня, Таня! Ну нельзя же быть такой доверчивой!

С досады покачал головой и поморщился. Виски пульсировали, и каждое движение отдавалось болью в черепной коробке. Сам виноват. Разве можно договариваться о чем-то на лестничной площадке!

Я облизал пересохшие губы.

– Так вы поможете мне спасти маму?

– Помогу, Миша, – соврал я, сам не зная зачем.

Я понятия не имел, где искать его маму. Но даже бы и знал, как я справлюсь с несколькими здоровыми и вооруженными мужиками?

Глава 11

Когда мир накрылся пиздой, разве не пора вмешаться Богу? Вся суть религии ведь в этом. Люди молятся, отдают дань уважения Всевышнему, чтобы в сложные времена он ответил взаимностью. Или я чего-то не понимаю?

Пока поливал поленья самодельным розжигом – смесью бензина и подсолнечного масла в пропорции один к одному, – размышлял то о религии, то о реалиях. Убедившись, что дрова достаточно пропитались горючим, поднес горящую спичку и развел огонь.

Я как-то спросил у матери:

– Зачем нам в сарае канистра с бензином, мам?

– На случай, если срочно понадобится попросить об услуге кого-нибудь с мотокультиватором или бензокосилкой, – ответила она. – Пригодится.

“Вот и пригодился”, – подумал я, ставя на землю бутылку с горючей смесью.

Собаки лежали рядом, вытянув лапы, а я присел на крыльцо и уставился на огонь. До дома мы добрались благополучно, если не считать головную боль и ноющие от каждого шага ребра. Пацан всю дорогу хныкал, а мне оставалось лишь молча терпеть его нытье.

Зайдя в дом, первым делом накормил Мишку остатками курицы и выпил таблетку анальгина из маминой аптечки, а затем отправился мыться. Помывшись, сменил повязку. Старую – простынь из квартиры Тани, которую я намотал вокруг головы, словно тюрбан, выбросил. Наложил свежие бинты. Затем загнал в баню мальчика – воняло от него как от бича. Пацан помылся и, чистый и сытый, наконец, успокоился и уснул. А я вышел на улицу, развел огонь в мангале и теперь, расположившись на крыльце, просто наблюдал, как пламя пожирает березовые поленья.

Сверкнула молния.

“Неужто дождь пойдет?” – подумал я и поднял голову. Передо мной стоял седовласый мужик со свисающими ниже подбородка усами цвета спелой пшеницы.

Какого хуя?

Я инстинктивно потянулся рукой в задний карман за но-

жом, который у меня экспроприировали в Таниной квартире. Псы даже не пошевелились.

Че происходит?

Мужик не демонстрировал агрессивных намерений. За поясом тактических брюк я увидел топор и какую-то палку, но незнакомец не притронулся к ним. Наоборот, он стоял, заложив большие пальцы рук за ремень и молча ухмылялся. В свете костра я рассмотрел морщинки вокруг его синих, весело глядящих на меня глаз. Ему можно дать и сорок, и шестьдесят лет. Этот дядька выглядел весьма крепким малым. С таким так просто не совладать.

– Привет, Вадим! – произнес незнакомец.

– Здорово! – ответил я. – Мы знакомы?

– Ты сам позвал меня.

Мои псы-распиздяи, наконец, проснулись и начали вертеть головами, не понимая с кем их хозяин разговаривает.

Я откровенно недоумевал.

– Позвал? Я? Кто ты, блять, такой и откуда знаешь мое имя?

– Забыл? Я напомню: в квартире той несчастной женщи-

ны. Как видишь, я откликнулся, – ухмыляясь, произнес мужик.

Точно не скажу, но, кажется, у меня открылся рот от удивления.

– Ты – Железный Муж?

Мужик пожал плечами:

– Зови меня Илья.

– Илья?

– Хватить тупить, Вадим. Скажи, что ты намерен делать дальше?

Сидя с открытым ртом, я продолжал глазеть на незнакомца. Охуеть. Либо тут творится какая-то мистика, либо меня хорошенько так приложили по башке.

– Я... эээ...

– Если не изменяет память, ты пообещал мальчику спасти его маму. Я прав?

Глянул на псов. Псы глядели на меня, наострив уши и склонив головы набок. Илья проследил за моим взглядом и ухмыльнулся.

В воздухе веяло свежестью. Таким чистым воздух бывает только перед грозой.

– Ну... возможно, а ты с какой...

– Могу подсказать, где она.

Я смотрел на мужика, не мигая. Псы продолжали смотреть на меня, как на умалишенного.

– Неужели? – наконец вымолвил я.

– Не возражаешь, если я присяду? – спросил он и тут же сел рядом на крыльцо.

Затем посмотрел на меня.

– Они поселились в доме егеря, Антипова Спиридона Егорыча. Знаешь такого?

“С хера ли я должен знать имя какого-то там егеря. Он че, смотрящий?” – подумал я и произнес:

– И где гарантия, что ты сейчас не разыгрываешь передо мной комедию? Приду я туда, а там засада.

Илья пожал плечами.

– Просто доверься чутью.

– Чутью? В натуре? Знаешь, где я каждый раз оказывался, когда решался довериться чутью? – Я сплюнул в костер. – Завязывай мне чушь в башку вплетать про чутье, лады?

Собеседник посмотрел мне в глаза. Его губы растянулись в улыбке.

– Не веришь? Не верь. Дело твое. Ты попросил о помощи, и я пришел помочь. Поступай как знаешь, но будь готов к тому, что в мире скоро начнут твориться странные вещи. И если надумаешь идти спасать женщину, заруби мне в знак благодарности своего рыжего петуха. Договорились?

Я кивнул и ударился головой о перила крыльца.

Блять, я что, уснул?

Потирая ушибленную башку, которая и так раскалывалась от боли, я залил угли водой и пошел в дом. Спать.

Привидится же такое.

Глава 12

В детстве, когда мама ставила передо мной тарелку с манной кашей, я кривился.

– Ешь, ты не в ресторане, – говорила мать.

О манке на молоке и с маслом сейчас можно только мечтать. Я снял кастрюлю с мангала и поставил на ее место чайник, а сам вошел в избу. Спустя минуту выставил перед Мишкой тарелку с вареной гречкой. Курицу с утра варить не стал. Лень заморачиваться.

Пацан подозрительно покосился на кашу.

– А “мазик” есть? Или кетчуп?

– Хавай давай. Ты не в ресторане, – ответил я.

С ума сойти, “мазик”, блин.

Пацан начал есть и умял всю тарелку. Когда голоден, и без “мазика” ништяк. Я усмехнулся, медленно пережевывая кашу. Работал челюстями, смотрел на мальчишку и усиленно

пытался понять, что мне с ним делать. Свалился же на голову. С собой его взять я не могу, да и он не пойдет без матери. Ждать, пока ситуация наладится и начнет работать детский дом, тоже не вариант – мне нужно валить из города.

– Ты хорошо поспал? – спросил я чисто ради того, чтобы отвлечься самому от горьких дум и не дать пацану впасть в меланхолию при мысли о матери.

Мишка кивнул.

– Мы сегодня пойдем спасать маму? – спросил он.

Началось.

Я вздохнул. Что я мог ответить? Честно признаться, что понятия не имею, где его мама? Все, что мне известно – ее повезли к какому-то Антипу... Антипу?

Я перестал жевать и забыл о еде. Егерь Антипов Спиридон Егорыч.

Да ну на...

Я отложил ложку, откинулся на спинку стула и почесал пальцем перевязанный лоб. Мне бы какая-нибудь мазь не по-

мешала для заживления. А еще лучше швы наложить.

Пацан ждал ответа, и я ответил:

– Мы пойдем спасать твою маму, как только я раздобуду оружие и велосипед. Ее держат далеко. Пешком придется долго идти. И ее похитители вооружены. Фамилия Антипов тебе о чем-то говорит?

– Да. У нашего соседа, дяди Егора, фамилия Антипов.

– Ты слышал его голос в квартире?

– Я закрыл уши, чтобы не слышать как мама кричит, – произнес, шмыгая носом, пацан, и я понял, что он сейчас захнычет.

Собрав со стола грязную посуду, вышел в огород. Пока мыл тарелки да ложки в летнем умывальнике, думал. У меня не было никакого желания бежать спасать едва знакомую мне бабу, хотелось удрать отсюда подальше, но пацан повис на моей шее словно якорь. Придется действовать. С чего начать? Может, попробовать последить за квартирой? Нет. В квартиру Антипов не вернется. Прекрасно понимает, что в городе сложно выжить. Похоже решил переехать к брату в лес. Или отцу?

Где изба егеря, я примерно понимал. В округе лесов нет, значит, нужно искать на севере в предгорье Уральского хреб-

та. Там находится лесной государственный заповедник – для егеря самое место. Я абсолютно уверен, что Антип устраивал охоту для чиновников, коммерсантов и прочих шишек. Все егеря так делают. Значит, у него не просто изба, а натуральная база отдыха в миниатюре. Идеальное место для жизни в постапокалиптическом мире.

Вот только идти до заповедника километров десять. Плюс километра два-три, а то и все пять придется шагать по лесу.

Интересно, там есть медведи?

Признаться, я с детства на такие расстояния пешком не ходил, и сейчас не собираюсь. Мне нужен велосипед. Банда тоже туда ломанулась не пешком. Наверняка пополняли в городе запасы. Значит, у них есть лошадь с телегой. Не на плечах же Таню они потащат.

Посидев и немного подумав, я пришел к выводу, что не заблужусь. К егерской избе должна вести дорога. Хорошо накатанная дорога, по которой можно проехать в распутицу. Таких дорог там одна, максимум две.

Как бы мне не хотелось остаться дома, но пришлось собираться на выход. Выпил еще одну таблетку анальгина и решил взять с собой Раздора – он более послушный. Раздраю

велел стеречь дом.

Первым делом нужно решить вопрос с оружием. Я точно знал, у кого есть ружье, и даже составил приблизительный план действий. Но, как у меня обычно бывает, от плана пришлось отказаться и действовать по обстоятельствам.

К проспекту традиционно вышел через частный сектор. Поскольку выкидуху у меня отжали, на делюгу пришлось взять кухонный нож. И молоток. За спиной болталась сумка, в которой лежали тряпки и бутылка с самодельной горючей смесью. Шел, чтобы совершить поджог. Думал, вставлю в бутылку фитиль из тряпки, подожгу и заброшу в магазин – благо, стекла мы с Мотолком успели разбить. Дождусь, когда хозяин выскочит на улицу, и нападу.

На что я рассчитывал с таким дурацким планом – непонятно.

Возле шиномонтажки повернул налево и пошел в сторону банка. У мясной лавки остановился и почувствовал кислый аммиачный запах испорченного мяса.

Стоя на углу лавки в тени трех кленов, я смотрел в сто-

рону РОВД. И наблюдал какое-то движение. Что там происходит, я не знал – до райотдела метров четыреста, поди разгляди. Но заметил трех человек на велосипедах и несколько не сомневался, что это менты. Очухались и начали действовать. Причем не только они – откуда-то с соседней улицы до моих ушей донесся призыв:

– Граждане, оставайтесь на местах! Не покидайте своих квартир и ждите дальнейших указаний! Власти делают все возможное, чтобы взять ситуацию под контроль.

Голос вещал через громкоговоритель. Начали отходить от шока, значит. Ладно.

Решив не мозолить глаза, я обогнул четырехэтажный дом Г-образной формы и пошел через двory. Прошел мимо магазина промтоваров. Тоже не разграбленного. Похоже, людей на данном этапе интересовали только еда и питье.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы подойти к многоэтажному дому рядом с банком. Зная, что с обратной стороны дома суется менты, а по соседней улице ходит глашатай и, наверняка, с охраной, я был предельно осторожен и передвигался между стоящих во дворе бесполезных машин, надеясь, что успею укрыться в случае чего. Пока пробирался к первому подъезду, в голову пришла мысль про ролики – на

них можно легко убежать от пешего. При наличии навыков катания, разумеется.

Ухмыльнулся. Придет же в башку такое.

До нужного подъезда добрался без проблем. Поднялся на первый этаж и убедился, что задняя дверь магазина не замурована. Значит, план с поджогом летит к лешему – в какую из дверей выскочит хозяин магазина в случае пожара, одному богу известно. Мне гадать не вариант. Это, во-первых. Во-вторых, швырять коктейль Молотова в окно напротив ментов – затея, мягко говоря, идиотская.

Пришлось сделать ставку на засаду. И первый вопрос, который всплыл в моей голове – где пасти хозяина магазина? Напротив черного или парадного входа?

Попробовал поставить себя на его место. Откуда более безопасно выходить? С парадного. Там небольшой пустырь перед проспектом. Хороший обзор. Менты, которые в случае чего наверняка помогут. Возможно, не за бесплатно, но помогут. А вот в подъезде можно запросто угодить в ловушку. Один (а может и не один – банда Седого действует вчетвером, к примеру) займет место на втором этаже, второй в тамбуре подъезда, и все – считай, зажали. И никто из жителей дома, скорее всего, на помощь не придет, хоть заорись. Поэтому я бы на месте хозяина магазина выходил с парад-

ного входа.

Он – мужик осторожный, в этом я убедился. Понимает: если ситуация продолжит катиться в жопу, на магазин, в котором есть масса полезных вещей для выживания, рано или поздно обратят внимание. И лучшей засады, чем подъезд, не придумать. Поэтому наверняка выходит из магазина через парадный вход. А он точно периодически выходит. Ему ведь нужно где-то брать еду и питье, так? Он же не робот. Если, конечно, ему их не приносят. Жена, например. Или сын. Но я бы не позволил в такие времена родным покидать дом.

В общем, нужно наблюдать.

Близость РОВД смущала, но иного выхода я не видел и вернулся к мясной лавке прежним маршрутом. Пересек проспект, быстро перебежал пустырь и укрылся за двухэтажным бараком. Раздор бежал трусцой рядом. Я вошел во дворы и шел на восток, пока не достиг кулинарии. За ней справа находится РОВД. Через дорогу в метрах пятидесяти отлично виден вход в магазин для рыбаков. Труп Мотолка исчез, зато рядом с домом появилась свежая насыпь. Интересно, кто моего товарища закопал, сам хозяин магазина или в городе появились санитарные команды?

Чтобы не отсвечивать, я укрылся в ближайших зарослях

и стал ждать. На улице припекало, но в тени ветвей было относительно прохладно. Здесь даже есть, где присесть – поперек покрышки от ГАЗ-53 лежит доска, и, судя по обилию пустых шкаликов, местная алкашня тут частенько коротала время. Разглядывая тару на земле, я подумал, что и мне следовало бы обзавестись небольшой бутылочкой или фляжкой с водой.

Устав стоять, присел на лавочку из покрышки, вытянул ноги и оперся руками о доску. Раздор положил голову мне на колено. Я чесал пса за ухом, ни на минуту не выпуская магазин из виду. И не забывал посматривать по сторонам.

Так прошло часа три.

Судя по солнцу, время было чуть за полдень, когда хозяин покинул свой магазин. С ружьем на плече и патронташем на поясе. Он пересек проспект и прошел во дворы. Я привстал и внимательно следил из кустов, куда направляется моя жертва. Признаться, очень надеялся, что мужик живет вдали от магазина. В этом случае я смогу проследить за ним и подловить на обратном пути. Если он пойдет через стадион, засяду в кустах – со стадиона ведет только одна дорога. Знаю я там пару подходящих мест для засады. Если пойдет через железнодорожные пути – еще лучше. Значит, он живет в поселке за дачами. Там есть узкий тротуар между транс-

форматорной будкой и бетонным забором. С одной стороны поставлю Раздора – пусть постоит, порычит, обратит на себя внимание, а сам в это время обойду будку и зайду с тыла. Ну а если пойдет в центр? И там место подходящее найдется, я не сомневался.

Но он, сука, пройдя по тротуару в метрах пятнадцати от меня, зашел в первый подъезд пятиэтажного дома.

Блять!

Я сорвался с места и побежал. Пересекая открытое пространство, я заметил двух курящих мужиков у подъезда, что-то живо обсуждающих. Мужики, заметив меня, насторожились. Не обращая на них никакого внимания, я заскочил в подъезд. Замер, затаив дыхание. Дверь хлопнула на лестничной площадке второго этажа, кажется. Я быстро преодолел три лестничных пролета и подскочил к двери справа. Приложил ухо – тишина. Подошел к следующей квартире. Прислушался и услышал приглушенные мужской и женский голоса. Да, похоже он здесь живет.

Теперь нужно затаиться и ждать. Я разлил жидкость для розжига под дверь, затем спустился на первый этаж и спрятался под лестничным маршем. Ждал. И пока ждал, усомнился – а вдруг из квартиры выйдет не он? Сын, например,

пойдет мусор выкидывать. Могу убить не того.

Пришлось рискнуть.

Снял сумку, чтобы не сковывала движений, и поставил на пол.

Прошло около часа. Сначала я услышал звук открывающейся двери. Затем кто-то чертыхнулся.

– Да масло долбоеб какой-то пролил, – услышал я мужской голос и улыбнулся.

Похоже, мой клиент.

Сжал покрепче рукоять молотка и начал вслушиваться в шаги на лестнице. Как только тип прошел мимо меня, я вынырнул из темноты и с размаху ударил молотком по затылку. Мерзкий хруст черепной коробки заставил меня скривиться. Мужик крякнул и рухнул на колени, левой рукой опираясь на стену, а правой пытаясь дотянуться до раны. Я размахнулся и ударил по голове повторно. Он упал лицом вниз. Заткнув молоток за пояс, перешагнул через тело и наступил во что-то липкое. Чертыхнулся. Кровь.

Ружье валялось рядом. Я подобрал. Затем расстегнул па-

тронташ, забрал пакет с едой и водой, сдернул с пальца обручальное кольцо и с шеи какую-то цепочку. Надеюсь, золотую. Заметил на запястье левой руки часы. Снял и поднес к уху. Тикают. Механические. Пригодятся.

Закинул трофеи в сумку и покинул подъезд. Раздор ждал меня на выходе с крысой в зубах. Похоже этих тварей становится все больше. Еще один повод слинять побыстрее.

Ненавижу крыс.

Два типа так и стояли у соседнего подъезда, настороженно поглядывая в мою сторону.

Сверху контур гаражного кооператива имеет форму усеченной пирамиды, в качестве основания которой выступает Центральный проспект. Боковая грань по левую сторону – это улица Луначарского, а по правую – железнодорожные пути. Макушка примыкает к городскому парку. Главная улица проходит параллельно проспекту, а шесть перпендикулярных ей проулков делят кооператив на семь секций.

Мой путь домой сегодня лежал несколько в стороне от гаражного кооператива, но мне пришлось в очередной раз по-

менять планы – я заметил велосипедиста, направляющегося в гаражи.

Велосипедист крутил педали не спеша. Обычно горожане хранят в гаражах соленья, варенья, морковь, картошку, и я предвкушал большую добычу, не считая велосипеда.

Но судьба видимо решила повернуться жопой.

Сначала едва не спалился. Велосипедист дважды оглядывался, заставив меня затаиться в кустах, через которые я продирался вдоль теплотрассы. Первой мыслью было идти за ним по дороге мелкими перебежками от одной брошенной машины к другой, но, увидев собственное отражение на заднем стекле серебристого “ниссана”, изменил решение – велосипедист, если он не из отряда дятловых, может и сам поглядывать на отражение стекол.

Дождавшись, когда моя потенциальная жертва скроется среди гаражей, я пересек Луначарского, подбежал к пустующей будке охраны и аккуратно выглянул из-за угла. Мужик размеренно крутил педали, двигаясь по главной улице. Я наблюдал, куда он свернет. Свернул на третьем перекрестке.

Добежав до нужного поворота, я выглянул из-за угла и заметил открытую дверь гаража. Третьего или четвертого с ле-

вого края, я не считал.

С ружьем наперевес пошел к гаражу, и в этот момент мужик выглянул. Он увидел меня и тут же скрылся внутри, закрыв дверь. От досады я чуть не завыл. Подскочил, дернул – заперто.

Блять!

Блять!

– Вам лучше уйти, – прозвучал голос изнутри гаража. – У меня здесь есть консервированная еда и компот. Я не умру ни от жажды, ни от голода. К тому же я сказал отцу и брату, что через час вернусь. Если не попаду домой к сроку, они пойдут меня искать. У них есть оружие.

Я вздохнул. Не знаю, как насчет отца и брата, но у мужика в гараже точно полно еды и питья.

– Пойдем домой, Раздор. Кажется, на сегодня лимит фарта исчерпан.

Глава 13

В детстве я обожаю читать приключенческие романы. Сейчас от мыслей о предстоящих приключениях меня корбило, чего не скажешь о Мишке – глаза пацана искрились от азарта. Он идет спасать маму – чем не сюжет для настоящей приключенческой книги или кино?

Мы покинули городскую черту, едва задрезжал рассвет. Я посчитал, что в столь ранний час риск нарваться на неприятности гораздо меньше. Это, во-первых. А во-вторых, велосипед я так и не раздобыл, значит, придется идти пешком, причем долго идти, о чем и сообщил Мишке накануне.

– Ну и ладно, – ответил пацан.

– Хорошо, – пожал я плечами, – только потом не ной.

Пока шли по дороге, огибающей город с западной стороны, держался левой обочины, опасаясь засады в густом кустарнике, прорастающем справа. Как только покинули городскую черту, появилось новое опасение – степь. Я смотрел на эти бескрайние просторы и чувствовал нарастающее беспокойство. Сжимал крепко руками ружье и никак не мог

решиться сделать шаг вперед.

На протяжении многих столетий и вплоть до рубежа XVII–XVIII веков степь вызывала у оседлых народов чувство страха. С ее просторов приходили смерть и разрушения. Теперь я примерно понимал, что чувствовали люди, оказавшись волей судьбы посреди степи. И не завидовал тем, кто живет на окраине города. Скоро эти дома разорят. Возможно, сожгут.

Я вновь взглянул вдаль и облизал губы. Согласно местной легенде, тут проходил со своей ордой Тамерлан. Неподалеку между болотами Большое и Малое Кесене есть мавзолей, где, по преданию, захоронена дочь Тамерлана, погибшая от клыков степного леопарда. Да, раньше тут вроде как водились большие дикие кошки.

В школьные годы мне довелось вместе с классом посетить мавзолей, и местный гид рассказал, что все рассказы про Тамерлана и его дочь полная чушь. Орда Тамерлана никогда не проходила по южноуральской степи. Но под шатровым куполом мавзолея действительно похоронена тюркская принцесса – дочь хана одного из кочевавших здесь казахских племен – киргизов, как называли их линейные уральские казаки и прочие русские переселенцы.

Мавзолей, до которого по прямой через степь не более тридцати километров, стал для местных тюркоговорящих народов настоящей меккой. И меня близость к месту культа кочевников очень настораживала. Все живущие в округе казахи, татары и башкиры разводят лошадей. Когда они поймут, что законов в степи больше нет, то сядут в седло и разъедутся по округе. Я был уверен, что их отряды или уже начинают, или вот-вот начнут рыскать по степи в поисках легкой наживы.

Нам с Мишкой предстояло преодолеть расстояние в несколько километров открытого пространства. Мне, взрослому мужику, было откровенно страшно. А Мишка... Мишка шел спасать маму и чувствовал себя героем из книжек.

На западе виднелся едва различимый Уральский хребет, а спереди и справа на востоке – сплошное море травы. Глазу не за что зацепиться за исключением столбов линии электропередачи вдоль дороги, уходящей на север. Раньше по ЛЭП поступали в дома свет и тепло. Сейчас столбы – просто ориентир, указывающий направление к населенному пункту. Кстати, впереди ведь еще приток реки Аят, которая затем сливается с Тоболом. Мост через нее – идеальное место для засады.

В очередной раз вздохнул и облизал губы. Размышляя над

всем этим, я пришел к выводу, что отбить Таню из рук банды станет едва ли не проще, чем добраться до нее, а затем вернуться вместе с ней в город.

Мне бы, черт возьми, не помешал напарник, а лучше – группа единомышленников, – и я невольно вспомнил своих сокамерников. Может, не стоило разрывать с ними связь? Возможно, нам следовало скооперировать усилия и действовать сообща?

На что я подписался, Муж Железный?

Оставалось лишь надеяться, что зарубленного мной под утро жертвенного петуха хватит, чтобы отвести беду.

Вскоре я пойму, что лучше вообще ни на что не надеяться.

Поправил патронташ: кожаный на двадцать четыре патрона – четыре секции по шесть патронов в каждой. Вчера заметил, что на двух секциях красной краской нанесена буква “К”. Понятия не имею, что это значит. Картечь? Может быть. А другие тогда чем снаряжены? Пулей?

“Ладно”, – подумал я и забросил рюкзак за спину. Посмотрел на своих собак, которые, чуть в стороне от дороги, рыча, пытались добраться до суслика, укрывшегося в норе. Ух-

мыльнулся.

– Идем? – спросил я, и пацан кивнул.

Мысленно прочитал молитву Железному Мужу, и мы по-шли.

Недалеко от реки слева от дороги находится деревня Родники. От автотрассы ее отделяет холм, и я забеспокоился – сообразят ли местные выставить на нем наблюдательный пункт?

Не сообразили. Пока не сообразили.

Практически у самого моста справа находятся промышленные строения, рядом с которыми мертвым грузом стоит сельскохозяйственная техника. Машдвор, что ли? Возможно.

Мишка крутил головой по сторонам из любопытства. Я – из соображений безопасности.

Наконец мы подошли к реке. Старый мост был давно разрушен, и вдоль торчащих из воды бетонных опор наладили

понтонную переправу. Новый мост так и не построили.

Понтон под сотню метров в длину легонько покачивался под напором речного течения. Мишка, затаив дыхание, с восхищением смотрел на переправу.

– Ух ты, – выдохнул в восторге пацан.

Я Мишкиного восторга не разделял и напряженно всматривался в противоположный берег, не забывая постоянно оглядываться. Псы не проявляли признаков беспокойства, и это успокаивало. Я подумал, что машдвор, огороженный каменным двухметровым забором, станет для местных прекрасным опорным пунктом, если они решат взять под контроль переправу и установят таможенный пункт. С крыши двухэтажного кирпичного здания – настоящей крепости по нынешним временам – открывается прекрасный вид на оба берега реки. Я не сомневался, что вскоре тут начнут ходить караваны с севера на юг и обратно. На севере в горах близ Магнитогорска полно железной руды, угля и дерева. А на юге в степях сельскохозяйственные угодья и скот.

Не заметив подозрительных движений на противоположном берегу, мы двинулись по понтону. И лишь достигнув северного берега, я облегченно выдохнул. Затем посмотрел вперед, где отчетливо просматривались деревья, и местность

становилась более холмистой – мы приближались к предгорьям Уральского хребта.

Расстояние я отмерял по верстовым столбам. Два с половиной километра остались позади. Чтобы их преодолеть, нам потребовался час.

– Устал? – спросил я, и парень кивнул.

Мы отошли подальше от моста и свернули с дороги, укрывшись в небольшом кустарнике. Я достал вареную картошку, яйца, курицу и хлеб. Перекусили, запили водой, скормили собакам куриные кости и двинулись дальше. Если доверять глазомеру, то до ближайших роц придется прошагать километра три, затем можно свернуть с дороги и идти лесом – так безопаснее.

Дорога вела на северо-восток, а потом повернула строго на север. Когда верстовой столб подсказал, что мы прошагали семь километров, солнце уже стояло высоко над головой. Деревья, которые я издалика принял за рощи, оказались лишь маленькими лесистыми островками, просматриваемыми насквозь. В них не укрыться. Но пока все шло спокойно, и у меня зародилась надежда, что до егеря мы доберемся без приключений.

Как обычно, надежда не оправдалась.

До первой рожи оставалось метров триста, когда на северо-востоке я заметил всадника и бредущую за ним фигуру. И совершил ошибку. Всадник выехал из-за небольшого холма. Он, пусть и шагом, но удалялся от нас вглубь степи. Но мы с Мишкой слишком резко ломанулись в кусты, находящиеся в метрах двадцати от дороги, и всполошили целую стаю полевых жаворонков. Птицы взмыли в воздух и звонкой трелью оповестили пернатых собратьев об опасности. И не только их.

Всадник обернулся.

Блять!

С досады я ударил ладонью себе по лбу. Хренов придурок. Нужно было просто аккуратно лечь в небольшую канавку у дороги.

Всадник развернулся и поехал в нашу сторону, не забыв снять ружье с плеча. В моей голове родилась бредовая мысль: “Может просто закурить попросит?”

Ага.

Я молча наблюдал и отметил, что ружье у него подлиннее

моего. Наверное, и стреляет подальше. Интересно, он тоже заметил, что мой ствол короче?

Судя по развивающимся на ветру волосам, за лошадьё всадника шла девушка. Я смог разглядеть стянутые веревкой запястья рук, второй конец которой привязан к луке седла.

Всадник перешел на рысь, и девушке пришлось бежать. Мне оставалось только надеяться, что конь провалится копытом в какую-нибудь нору и сломает ногу.

Не провалился.

Какого хуя тебе надо, уебок? Вали на хер отсюда, ты уже взял свою добычу.

– Дядя Вадим, это бандит?

Я смотрел на приближающегося человека.

– Да, Миша, это бандит. Сядь в кусты и не высовывайся, – ответил я, а сам начал смещаться влево, чтобы пацан не попал под пули, если начнется стрельба. – Раздрай, Раздор! Стеречь!

Видя, что мы не собираемся бежать, всадник перешел на

шаг. Когда между нами осталось метров сто, я крикнул:

– Че хотел?

Всадник продолжал медленно приближаться. Я не мог точно сказать, татарин он или нет – их порой от русских не отличишь. Но точно не казах. И не башкир.

– Че глухарь в башку клюнул? – громко переспросил я. – Че хотел?

Я уже не сомневался, что предстоит драться, и банковал нахрапом – если сдохну, то хотя бы не ссыклом в глазах Мишки.

Всадник остановился в метрах пятидесяти от меня и положил ружье на сгиб руки.

– Твой рюкзак.

Я оскалился. Рюкзак, значит.

– Бери, – сказал я, бросая рюкзак на землю себе под ноги.

– Брось его в мою сторону, а сам отойди за кусты к пацану.

– Шныря что ли во мне надыбал? Надо – подойди и возьми.

Дожил. Какой-то кавалерист ебучий мне указывает, что делать.

Есть море Океян, на нем море железное.

На том море железном есть столп железный...

... Зашептали губы знакомые слова молитвы. Похоже, это стало традицией.

Всадник вскинул ружье, и я тут же сорвался с места, ускоряясь влево по диагонали от него и удивляясь собственному маневру. Не будучи охотником от слова “совсем”, я моментом сообразил, что в перпендикулярно движущуюся цель сложнее попасть, особенно, если ты в седле, и под тобой пляшет конь. Прозвучал выстрел, и я услышал свист дроби, но продолжал бежать, огибая всадника по дуге. Ему пришлось разворачиваться в седле, чтобы постараться поймать меня на мушку.

Не знаю, как долго мне бы пришлось мотать круги, но выручила девчонка. Приблизившись слева, она ткнула каким-то сучком коню в очко и чудом не попала под копыта. Сроду бы не подумал, что лошади могут визжать. Пронзительно взвизгнув, конь присел на задние ноги, затем взбрыкнул копытами, едва не задев девчонку, подбросив

круп вверх, и резко отпрыгнул в сторону. Всадник вывалился из седла, и я тут же поменял направление. Быстро преодолев примерно половину расстояния, разделяющего нас, встал на колени. Задержал дыхание. Прицелился. Нажал на спусковой крючок – БАХ – и почувствовал резкий удар приклада в плечо.

Хуясе, отдача.

Оглушенный всадник как раз пытался подняться, когда кучно так получил заряд дроби с расстояния примерно двадцать метров и сразу рухнул в траву. До моих ушей донеслись стоны, но я решил подстраховаться и сделал два длинных шага влево, меняя позицию. Вновь опустился на правое колено. Стоны не утихали. Продолжая держать на мушке место, где трава скрыла стонущего подранка, сделал еще один длинный шаг влево. Почувствовав, что отдышался, встал и начал осторожно нарезать шаги по часовой стрелке, сужая круг. Наконец, смог разглядеть горе-бандита. Довольно молодой и чернявый, лет двадцати от силы, лежал на левом боку, держась за живот. На лице кровь, ружье валяется чуть в стороне. Мне хотелось добить его ножом. Не хотелось тратить патронов. Но я не стал рисковать и выстрелил.

БАХ

Прикурил, сучонок?

Затем обернулся. С волочащейся по земле девкой конь далеко не ускакал. Почувствовав сопротивление, умное животное остановилось и теперь, фыркая, топталось на месте в метрах тридцати от меня. А девка пыталась зубами развязать руки.

Подошел к ней, достал нож и избавил от пут. Конь, почувствовав, что его больше ничто не держит, поскакал в степь. Я от досады скривился. Снял кепку, провел рукой по волосам и надел кепку обратно. Вот же дебил, нужно было сначала коня под узду взять.

Да и хрен с ним.

Глава 14

Я слышал, что в Древнем Египте рыжих приносили в жертву богу Ра. Илья, кстати, тоже попросил рыжего петуха. Интересно, что в них такого особенного, в этих рыжих?

– Как тебя зовут? – спросил Мишка.

– Оксана. А тебя?

– Миша Травкин. А это дядя Вадим.

– У дяди Вадима языка нет?

Я хмыкнул. Дерзкая.

– Мы идем спасать мою маму, – гордо заявил Мишка. – Ее тоже похитили, как и тебя.

– Похоже, дядя Вадим у нас спасатель. Кажется, меня ты не собирался спасать, дядя Вадим. Да?

Очень смешно.

– Голодна? – спросил я.

– Умираю с голоду, – ответила девушка, и я полез в рюкзак.

Накормив девушку, я произнес.

– Нам пора. Шмотки мертвого кавалериста можешь оставить себе.

– И что мне с ними делать?

– Понятия не имею. Забирай и уходи.

– И куда я пойду?

– Куда глаза глядят.

– Они сейчас на тебя глядят.

Здрасьте! Приехали. Невеста нарисовалась.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Я не трахаю подростков.

Рыжая фыркнула.

– А я не трахаюсь со старыми пердунами. С чего ты решил, что я хочу с тобой трахаться, старпер?

Кажется, я начинал понимать, почему рыжих сжигали на костре.

– Ты откуда?

– С Ольховки.

– Отлично. Вот туда и иди. Сколько до нее? Километров семь? С ружьем и патронами у тебя есть неплохой шанс вернуться к родным. Они наверняка беспокоятся.

– Они мертвы. И я босиком. Это не сложно заметить, если перестать пялиться на мои сиськи.

Вообще-то я пялился не на сиськи, а на ободранные локти и бок, ссадина на котором просвечивала сквозь изодранную и измазанную кровью майку. Раны вроде бы поверхностные, но их следует промыть. И перевязать.

Я протянул девчонке бутылку с водой.

– Промой ссадины. Удивительно, как ты, босоногая, не ободрала ступни.

– Ободрала малость, вообще-то. Но я с деревни, привычная.

Мне это мало о чем говорило. Достал из рюкзака свою чистую футболку и шлепки. Вот серьезно, на кой черт мне в походе шлепки? Взял по старой лагерной привычке – ноги должны отдыхать.

– Надень. Шлепок и футболки хватит, чтобы дойти до деревни? У тебя там наверняка есть друзья и знакомые.

– Хватит нести чушь, дядя Вадим. Ок? Какие друзья? Этот урод похитил меня посреди деревни, и никто пальцем не пошевелил.

Я отвернулся, чтобы девчонка переоделась. И она на самом деле права. Сейчас люди кто угодно друг для друга, но только не друзья.

– На че уставился, маленький извращенец?

Я хмыкнул, краем глаза заметив, как Мишка покраснел. Смешного на самом деле мало. Первый раз в жизни сделал доброе дело, и что теперь?

Пиздец, помог. Себе на голову. Что ни день, то ребенок на шее. Если так и дальше пойдет, никуда я не уйду. К зиме-то точно.

Вздыхнул, облизал губы и огляделся. Посмотрел на девчонку, которая закончила переодеваться. Задумался.

Что будет, когда конь вернется в поселение без седока? Правильно. Соберется толпа вооруженных мужиков и пойдет искать. И быстро найдет – по следам примятой травы это несложно.

– Ладно. Потом решим. Сейчас нужно убираться отсюда,
– сообщил я спутникам и высказал вслух свои соображения.

– Никто не пойдет его искать. Мы с одной деревни. Пару лет я его динамила, а сегодня утром он заявился к нам в дом, убил мать и похитил меня.

– И куда он направлялся?

– К каким-то родственникам в поселение на востоке у казахстанской границы.

Я кивнул. Переломил ружье и едва не получил выскочившей гильзой по лбу.

Сука, так и без глаза можно остаться.

Перезарядил ружье и убрал стреляные гильзы в рюкзак. Сам не знаю, зачем.

Шли обычным для нас темпом. Мои шлепанцы пришлись Оксане впору, и она бодро шагала справа от меня с ружьем в руках и сумкой через плечо, доставшейся вместе с патронами от мертвого кавалериста. Я изредка посматривал на нее. Огненно-рыжие волнистые волосы длиной до середины спины, серые глаза, куча веснушек. Причем веснушки усеивали не только лицо, но и предплечья. На ногах укороченные

светло-синие и рваные в районе передней поверхности бедер джинсы.

Вскоре добрались до леса и, шагая посередине трассы, через минут тридцать наткнулись на столб, на котором отсутствовала табличка с указателем. Я ухмыльнулся. Банда долбоебов постаралась. Как пить дать. Их можно понять – слишком заманчиво выглядит обустроенное для комфортно-го проживания место в лесу неподалеку от дороги.

Я посмотрел на спутников. Было заметно, что Мишка устал, но продолжал сохранять энтузиазм. Грудь девчонки тяжело приподнималась. Иных признаков усталости она не проявляла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.